

А. Н. Островский, Бедная невеста

Комедия в пяти действиях.

ЛИЦА:

Анна Петровна Незабудкина, вдова небогатого чиновника.

Марья Андреевна, ее дочь.

Владимир Васильевич Мерич, Иван Иванович Милашин, молодые люди, знакомые Незабудкиной.

Платон Маркович Добротворский, старый стряпчий.

Максим Дорофеевич Беневоленский, чиновник.

Арина Егоровна Хорькова, вдова, мещанка.

Михайло Иванович Хорьков, сын ее, бывший студент.

Карповна, сваха (по купечеству) в платочке.

Панкратьевна, сваха (по дворянству) в чепчике.

Дарья, горничная Незабудкиных.

Мальчик Добротворского.

Дуня, Паша, молодые девушки.

Официант и разные лица, являющиеся в пятом действии смотреть свадьбу.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет комнату; на задней стене две двери: одна в комнаты, другая на улицу; с левой стороны окно, у окна пядь, далее фортепьяно; с правой стороны диван и большой круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Андреевна (сидит за пядями) и Анна Петровна (на диване).

Анна Петровна. Вот тут и живи, как хочешь. Как бы папенька-то твой не мотал без памяти, так бы другое дело было, а то оставил нас почти ни с чем. Дела все запутаны, тут тяжба еще!.. Вот дом-то отнимут, что тогда делать-то? Ты только подумай, как мы тогда жить-то будем!.. А что я? Мое дело женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить. (Молчание.) Хоть бы ты замуж, что ль, Маша, шла поскорей. Я бы уж, кажется, не знала, как и богато благодарить! А то, как это без мужчины в доме!.. Это никак нельзя.

Марья Андреевна. У вас ведь, маменька, уж один разговор.

Анна Петровна. Что ж такое не говорить-то! От слова-то тебя убудет, что ли? На-ка поди, уж и говорить-то нельзя. Что такое, в самом деле!

Марья Андреевна. Разве я виновата, маменька, что мне никто не нравится?

Анна Петровна. Как это не нравится, я не знаю; это так, каприз просто, Маша.

Марья Андреевна. Какой же каприз, маменька? Кто за меня сватался, вспомните хорошенько, что это за люди?

Анна Петровна. Что ж делать-то, Машенька? Что ж делать-то, друг мой? Где ж нам тебе красавцев-то взять? Нынче хорошие-то женихи всё денег ищут, не хотят видеть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, уж и не знаю! Посмотри-ка там на столике... Посто́й, здесь, в кармане. Нет уж, как бы, кажется, тебя не полюбить! Все ветер в голове-то у молодых людей. Да, признаться

сказать, ведь и ты-то очень разборчива. А ты подумай, ведь у нас не горы золотые -- умничать-то не из чего!

Марья Андреевна. Хорошо, хорошо.

Анна Петровна. Да что хорошо-то?

Марья Андреевна. Я подумаю.

Анна Петровна. Да о чем думать-то, скажи ты мне, сделай милость. Додумаешься до того, что просидишь с девках.

Марья Андреевна. А что ж за беда такая?

Анна Петровна. Глупа еще ты, вот что. (Сидит надувшись. Молчание.) Что это, ей-богу, хоть бы Платон Маркыч пришел. Уж я и не знаю, что мне делать-то. Вот был чулок, вот где теперь чулок?

Марья Андреевна. Вот, маменька, чулок. (Подает.)

Анна Петровна (вяжет чулок). Нейдет Платон Маркыч, да и только; что хочешь, тут и делай.

Марья Андреевна. Да зачем вам, маменька, Платон Маркыч понадобился?

Анна Петровна. Как зачем? Что мы знаем тут, сидя-то; а он все-таки мужчина. Буточник бумагу какую-то приносил, кто ее там разберет? Вот поди ж ты, женское-то дело какое! Так и ходишь, как дура. Вот целое утро денег не сочту. Как это без мужчины, это я уж и не знаю, тут и без беды беда. Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай мне деньги-то, сделай милость.

Марья Андреевна. Говорите, я и так сочту.

Анна Петровна. Постой, Маша. Заторопишь ты меня -- я опять собьюсь. Где это бумажка-то у меня? Дай бог памяти... Вот она! Постой -- нашла. Вот сочти возьми. Давеча считала, считала на счетах -- либо целкового нехватает, либо два лишних, а уж Дарью лучше не заставляй. Да уж и в голове-то все не то. Дело-то меня беспокоит очень, об доме-то нужно с Платоном Маркычем поговорить. Все-таки мужчина.

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дарья.

Дарья. Барыня, а барыня! От Платона Маркыча мальчик пришел.
Анна Петровна. Позови его сюда.

Дарья уходит. Входит мальчик.

Мальчик. Платон Маркыч кланяться приказали; прислали газеты
вчерашие и записочку-с да приказали о здоровье спросить.

Анна Петровна. Господи! Куды это я очки дела? Поищи, Маша,
сделай милость.

Марья Андреевна ищет очки.

Марья Андреевна. Да позвольте, маменька, прочитаю. Я думаю, у
вас с Платоном Маркычем секретов нет.

Анна Петровна. Прочитай, Маша! Какие секреты! Я его об деле
просила. Вот женское-то дело: ведь и жаль беспокоить Платона-то
Маркыча -- старый человек, а делать нечего.

Марья Андреевна (читает). "Ваше высокоблагородие, милостивая
государыня Анна Петровна! Честь имею вас уведомить, что все
поручения ваши я исполнил в точности и с удовольствием, и впредь
прошу вас таковые возлагать на меня. При сем посылаю вам
ведомости вчерашнего числа. Насчет того пункта, о котором вы
меня просили, я в названном вами присутственном месте был:
холостых чиновников для Марьи Андреевны достойных нет; есть
один, но я сомневаюсь, чтобы он вам понравился, ибо очень
велик ростом, весьма много больше обыкновенного, и рябой..."
(Смотрит с умоляющим видом.) Маменька!

Анна Петровна. Читай, читай.

Марья Андреевна (продолжает). "Но, по справкам моим от
секретаря и прочих его сослуживцев, оказался нравственности
хорошей и непьющий, что, как мне известно, вам весьма
желательно. Не прикажете ли посмотреть в других присутственных
местах, что и будет мною исполнено с величайшим удовольствием.
Дело ваше, по случаю упущений с вашей стороны, приняло дурной
оборот; но вы, сударыня, не извольте беспокоиться: ибо я нашел

весьма знающего человека, который может оным делом руководствовать. О прочем буду иметь честь объяснить вам при личном свидании. Остаюсь, всегда готовый к услугам, Платон Добротворский". Что это вы, маменька, делаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственным местам женихов искать! Это уж бог знает что такое!.. И ни слова об этом не скажете; это уж обидно даже. Ах, маменька, что вы со мной делаете! (Садится к пальцам.)

Анна Петровна. Никакой тут обиды нет! Ты, Маша, этого не знаешь, это уж мое дело. Я ведь тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это уж мой долг тебе жениха найти.

(Мальчику.) Кланяйся, милый, Платону Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава богу, мол, здоровы.

Мальчик. Слушаю-с.

Анна Петровна. Поди сюда, я тебе дам записочку Платону Маркычу.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна (одна). Вот всякий день этакий разговор! Как это не надоест маменьке, право. Такая тоска, такая тоска, что не знаешь, куда деться! (Шьет в пальцах.)

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас!

Марья Андреевна. Что ты все сердишься?

Дарья. Да как же, барышня, не сердиться-то! Этаким народ, не поверите! Бегу из лавочки, а тут какой-то дурак остановился на дороге да прямо в глаза и смотрит. Что, говорю, бельмы-то выпучил, чего не видал, на мне ничего не написано. Да как, говорит, на тебя, на красавицу этакую, не посмотреть. Плюнула да и пошла. (Ищет что-то.) Вот вечно растеряет, а тут ищи. О чтоб!..

Марья Андреевна. Что ты там ищешь?

Дарья. Да табатерку барыня потеряла... Нашла.

Марья Андреевна. Что, Даша, хороша я?

Дарья. Вы-то? Красавица-раскрасавица.

Марья Андреевна. Давай поменяемся, вот и не будут смеяться над тобой.

Дарья. И, матушка, на что мне красота.

Марья Андреевна. А мне на что?

Дарья. Что это вы, барышня, говорите! Посмотрите-ка, какой молодец в вас влюбится, любо-дорого глядеть; полковник какой-нибудь возьмет.

Марья Андреевна. Где уж, Даша, влюбиться! Маменька говорит, что замуж пора.

Дарья. Что ж! Отчего ж и замуж нейти?

Марья Андреевна. Так зачем же быть красавицей-то?

Дарья. Как это можно, лучше муж будет любить. Вот соседки две дочери: старшая-то худая такая, как спичка; а младшая-то румяная да гладкая; еще шестнадцати лет нет, а как словно она троих ребят выкормила. Вот мать-то и говорит: боюсь, говорит, старшую-то замуж отдавать, муж любить не станет; вот эту, говорит, любить будет. Затолковалась я с вами, барышня; старуха-то, пожалуй, рассердится. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Маменьке легко говорить: выходи замуж! Да за кого я пойду? Я без ужаса себе представить не могу, как выйти за человека, к которому, кроме отвращения, ничего не чувствуешь. (Задумывается.) Всякий урод думает, что он вправе посвататься, и даже считает это каким-то одолжением, потому что она, говорят, бедная невеста. Иной просто торгует меня, как вещь какую-нибудь: я, говорит, имею состояние, у вас ничего нет, я вашу дочь за красоту возьму. (Смотрит в окно задумавшись.) Мерич! Вот прекрасно. Идет такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чем он думает, уж верно не обо мне. (Подходит к зеркалу.) Ах, какая я глупая! Ну с чего я так покраснела вся, и голос дрожит. Надобно немного успокоиться -- он, пожалуй, заметит. А что ж такое, мне бы даже хотелось, чтоб он заметил; что бы он стал делать? Ах, какие глупости! Что я вру! Дарья! Дарья!

Входит Дарья.

Поди попроси Владимира Васильевича в сад пройти!

Дарья. Хорошо, барышня. (Уходит.)

Марья Андреевна (поправляется перед зеркалом). Тут поминутно разные свахи являются, очень приятно смотреть на них! Я-то уж пригляделась, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ах, как я рада ему; он так редко у нас бывает...

Дарья (входит). Пожалуйста, барышня, он в саду. (Марья Андреевна уходит. Дарья, стирая пыль с мебели.) Чтой-то у меня за барышня, право... Дай ей бог жениха хорошего! (Останавливается посредине комнаты с тряпкой в руке.) Если это рассудить теперь, как это все на свете делается: богат ты, ну и всякий тебя уважает, а беден, так и рыло воротят. Уж это значит, не человек нужен, а богатство. (Растопыривает руки.) Мудрено это все делается! (Взглянув в окно.) О, чтоб вас! Кого-то принесло. (Идет к двери.)

Карповна входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дарья и Карповна.

Карповна. Даша, здравствуй!

Дарья. Здравствуй, Карповна. Чтой-то ты пропала?

Карповна. Что, душа, -- все хлопоты; нет ли чего новенького у вас?

Дарья. Какое новенькое! Откуда ему быть-то.

Карповна (сядась). Уж и как, девушка, жарко.

Дарья. Ишь ты, как расползлась, бог с тобой.

Карповна. А что, девка, ведь и то никак я потолстела. Ты что ж не поправляешься?

Дарья. Ты говоришь: не поправляешься! Да с чего мне поправляться-то? Другое дело, кабы жила я покойно, а то... ах... (Подходит к ней и говорит вполголоса.) То есть ты, Карповна, не поверишь, целый-то она день-деньской, как часы заведенные, -- и то не так, и другое не по ней -- и пошла ворчать, и пошла... Женщина я горячая, ничего на себе не могу перенести, ну и выговоришь; и пошел дым коромыслом... брань да история. То есть, кажется, кабы только моя не привычка к этому дому, как уж седьмой год живу, так я бы ни одного дня не осталась.

Карповна. Ишь ты, девка! а!.. (Качает головой.)

Дарья. Женщина же я горячая; закипит это, закипит, и как вдруг туман в глазах, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сейчас как ничего и не бывало, а она все ворчит... То есть, кажется, кабы моя не привычка, как я седьмой год живу... Уж так думаю: ну... (Махнув рукой.)

Карповна. В людях жить, душа, кому сладко.

Дарья (подходит к ней ближе и говорит почти шопотом). Намедни говорит: такая ты и этакая! Что, говорит, долго в лавочку ходила! Ты с лавочниками якшаешься! Как, говорю, сударыня! Кто меня застал? Нет, говорю, не извольте... Я, говорю, девушка, как есть... ни в чем... Ах, кажется... уж лучше не говорить... (Помолчавши.) Барышню поедом съела! Выходи, говорит, замуж... "За кого я, говорит, маменька, пойду?" Да ведь и вправду: ну за кого она пойдет, за какого шута горохового? Уж хоть бы ты, Карповна, ей хорошего жениха нашла.

Карповна. Найдить-то я нашла, да не знаю, как понравится.

Дарья. Я так думаю: офицера бы ей найти. Смотри-ка, мимо нас какие хорошие ездят. Никак кто-то идет. (Идет к двери.)

Входит Панкратьевна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Панкратьевна.

Панкратьевна. Что, милушка, дома барыня?

Дарья. Дома.

Панкратьевна. Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла.

Дарья уходит.

(Взглянув на Карповну.) Ба, ба, ба... Залетела ворона в высокие хоромы! Ты как сюда попала?

Карповна. А вот как попала, так и попала. Это что еще за спрос такой проявляется!

Панкратьевна. Ишь тебя везде носит! Знала бы свое купечество.

Карповна. А ты, небось, с дворянством все знакома; то-то ты хвосты-то и отрепала, по передним-то шлямшись.

Панкратьевна. Невежа! Я с тобой и говорить-то не хочу.

Карповна. Ха, ха, ха, ха... Ты, что ль, больно вежлива! Ты вот с дворянами водишься, а ходишь оципанная да обдерганная, страм смотреть-то; а я с купечеством, да своим домом живу, не хуже кого другого, и в ламбарте есть. Напялила чепчик-то, так и н а поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь!.. Да я коли захочу, так в пол-аршина взбодрю. (Смеется.) Еще важней тебя буду!

Панкратьевна. Что с невежей и говорить. Обращения ты никакого не знаешь, как есть дура, невоспитанная!

Карповна. Вот дура, да почище тебя, никто на ногу не наступит.
(Молчание.)

Панкратьевна. А вот как узнает Мартын Мартьяныч, зачем ты к ним ходишь, так он тебе форс-то собьет.

Карповна. А зачем я хожу-то? Ну, скажи, зачем?

Панкратьевна. Ну, известно зачем.

Карповна. Как тебе не знать! Врешь, врешь ты! Тринадцатый год вдовею, ни в чем не замешана. Ты, видно, с большой головы на здоровую.

Анна Петровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Анна Петровна. Свахи встают и кланяются.

Анна Петровна. Здравствуйте! Ну что? Что? Говорите скорей.

Обе молчат.

Что вы молчите?

Карповна. Пусть она сначала говорит, у нее благородные.

Анна Петровна. Ну, говори ты, Панкратьевна!

Панкратьевна. Есть у меня два жениха, Анна Петровна, такие кавалеры, что чудо!

Анна Петровна. Какие ж они такие?

Панкратьевна. Служащие, матушка, благородные.

Анна Петровна. Что ж они, с состоянием?

Панкратьевна. Служат, матушка, жалованье получают.

Анна Петровна. Да живут-то они каково?

Панкратьевна. Живут хорошо. Один стихи пишет, другой все поет целый день. А уж какие учтивые, да какие влюбчивые! Как, говорит, увижу хорошенькую барышню, так бы и женился, ни на что не посмотрел.

Анна Петровна. А чины у них какие?

Панкратьевна. Чины небольшие, из себя-то уж больно красавцы.

Карповна. Голь все это, как я посмотрю.

Анна Петровна. Ну, а у тебя что, Карповна?

Карповна. Есть-то у меня, есть, такой туз -- не ее женихам чета, да лишнее бревнышко у нас в горнице.

Анна Петровна. Ну, хорошо. Поди, Панкратьевна! Наведайся как-нибудь на-днях.

Панкратьевна. Прощайте, Анна Петровна. (Уходит, свирепо взглянув на Карповну.)

Анна Петровна. Ах, Карповна, уж кабы ты нам нашла жениха, я бы тебе такое спасибо сказала... Сама ты знаешь, мое дело женское, ничего я не знаю... Как это можно без мужчины!..

Карповна. Так вот, матушка, не было ни гроша, да вдруг алтын. Такой туз, что рукой не достанешь.

Анна Петровна. Кто ж такой? Говори, не мучай.

Карповна. Савва Саввич Белугин.

Анна Петровна. Что ты! Ведь миллионщик!

Карповна. Миллионщик, миллионщик.

Анна Петровна. Как же это он вздумал?

Карповна. Да что, матушка, дети одолели. Ведь у него дети-то поди-ка какие. Сам-от он в большом доме не живет, знаешь, что с балконом-то. Сыновья-то там запрутся, да и пьют, кранболь у них там всякий идет. Да что ж выдумали: выскочит это который-нибудь на балкон, глаза вытаращит, руки подымет, закричит страшным голосом да назад; потом, погода немного, другой, так и прокурят. Что хорошего!

Анна Петровна (качая головой). А-я-яй, а-я-яй!

Карповна. Ну, сама посуди, отец-то смотрит, смотрит...

Анна Петровна (заглянув в окно и увидав идущую Харькову). Ну, хорошо, Карповна, спасибо тебе. Сама ты знаешь, мое дело женское... зайди на-днях, потолкуем... теперь некогда, -- вон Хорькова идет.

Карповна. Зайду, зайду. (Кланяется и уходит.)

Входит Хорькова.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Анна Петровна и Хорькова.

Анна Петровна. Арина Егоровна! Милости просим! Присядьте! Хорькова. Я ведь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была в городе -- дай, думаю, зайду к Анне Петровне; они хоть и спесивы, никогда нас не навестят, ну да уж, думаю, зайду.

Анна Петровна. Извините, матушка, все дела, ей-богу, некогда, сами посудите, дело мое женское: везде сама должна. Вот у нас теперь тяжба об доме, так ведь ночи не сплю. Ну, как отнимут, куда я денусь?.. А у меня дочь невеста.

Хорькова. Вот я, Анна Петровна, благодарю бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мне, говорит, маменька, нужды нет, что вы женщина простая и необразованная, а я, говорит, образованный человек -- я вас люблю и обожаю. Вы представьте, ведь он у меня теперь на линии дворянина. Старостиха наша говорит мне наемдни: "У вас такой сын, Арина Егоровна, такой сын, что мы, говорит, все завидуем: скромный, почтительный, и никаких, говорит, шалостей за ним не слыхать. Что, говорит, вы его, Арина Егоровна, не жените?" А я думаю себе: понимаю, куда ты метишь. У нее, представьте, три дочери, и она помногу денег дает за ними; только девушки, я вам скажу, без всякого образования; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: -- Миша! Не хочешь ли, друг мой, жениться; мне, говорю, от богатых невест отбою нет, все, говорю, друг мой, в тебя за твою кротость и образование влюбляются. Я, говорю, с тебя, друг мой, воли не снимаю -- ты сам умнее меня и образованнее; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мне свои мысли, я тебе найду невесту. -- "Хоть я, говорит, маменька, и образованный человек, но я завсегда предпочитаю с вами об деле разговаривать". -- Всякая, говорю, девушка за тебя пойдет с

радостью, есть, говорю, у меня для тебя невеста и с богатством, и с красотой. -- Миша меня, представьте себе, обнял и говорит мне: "Милая маменька, не в богатстве счастье, все, говорит, это тлен. Сходите, говорит, к Анне Петровне: я их уважаю; какое они обо мне мнение имеют; душевное, говорит, мое есть желание понравиться Марье Андревне".

Анна Петровна. Покорно вас благодарю, Арина Егоровна! Мне самой ваш сын очень нравится. Я все к вам думала побывать, да памяти нет: совсем и забуду, как забуду. Вы знаете мое душевное желание видеть Машеньку замужем поскорее; все средства употребляю, чтобы ей хорошего человека найти. Я, признаться вам сказать, смолоду была женщина избалованная: при муже, при покойнике, как за каменной стеной жила, ни во что не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь -- разломит всю. Как это без мужчины в доме, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мне ее с рук сбыть, я бы была гораздо покойнее.

Хорькова. Чего ж думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете с хорошей стороны; в обществе он, по своему званию, превозвышен. Я, конечно, женщина простого звания, но совсем не тех понятий: я довольно далека от этого круга и довольно облагорожена в своих чувствах.

Анна Петровна. Я принуждать Машеньку не могу -- это ее воля. Вы скажите Михаилу Иванычу, чтобы он постарался понравиться Машеньке -- я буду очень рада.

Хорькова. Он у меня такой застенчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человек образованный, а такой застенчивый; чего тебе, друг мой, с твоим умом и образованием бояться? -- всякая девушка с радостью тебя полюбит. Так уж вы мне позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

Анна Петровна. Скажите ему, что я с своей стороны согласна и переговорю об этом с Машенькой.

Хорькова. Покорно вас благодарим, мы будем надеяться.
(Молчание.) Какой миленький чепчик на вас; почему вы брали ленточки?

Анна Петровна. Уж и не спрашивайте -- память ведь у меня плоха; кажется, по восьми, не то по семи гривен.

Хорькова. Миленький, очень миленький... Вы мне одолжите выкроечку вашей визитки, хочется черный муаре сделать. Вот, представьте себе, так и сплю и вижу -- непременно черный муаре.

Анна Петровна. Куда это я ее засунула? Спросить у Дарьи надобно. Вот кабы Машенька замуж вышла, уж я к свадьбе-то бы себе какую-нибудь на Кузнецком мосту заказала, понарядней.

Хорькова. Не советую, Анна Петровна, не советую. У меня есть знакомая портниха, она вам сделает просто и благородно. Я женщина простого звания, а люблю одеваться со вкусом и чтобы все было благородно. Мне Миша всегда говорит: "Вам, говорит, маменька, удивляться надобно, какой вы имеете вкус и рассудок. Я, говорит, вас люблю и уважаю; мне, говорит, нужды нет, что вы не получили никакого образования". Прощайте, Анна Петровна, поищите мне выкроечку.

Анна Петровна (встает). Пойдемте, она, должно быть, у меня в комнате; поищемте вместе.

Идут к двери. Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Милашин.

Милашин. Здравствуйте, Анна Петровна!

Анна Петровна. Здравствуйте, Иван Иванович! Машенька, должно быть, в саду гуляет.

Милашин подходит к окну.

Хорькова (осматривает Милашина). Кто это, Анна Петровна?

Анна Петровна. Милашин, Иван Иванович.

Хорькова. Ну, это вашей дочке не жених.

Анна Петровна. Какой жених! (Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Милашин (один у окна.) Что это! Мерич опять здесь! Ну, так и есть. Я этого и ожидал. Чорт возьми, это досадно! Нет, я этого не позволю. (Ходит по комнате.) Сколько времени я все силы употребляю, чтоб ей понравиться, бьюсь, бьюсь -- и все ничего; а тут какой-нибудь... Я решительно не могу видеть, как она с ним любезничает. Как бы мне его выжить отсюда! Жениться на ней? Так она за меня не пойдет, потому что мне жить нечем, да и, кажется, она не любит меня. Да из чего ж я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать внимания. Но, однакоже, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: "У вас теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; но вы теряете друга, который был вам предан". Она, конечно, будет меня уговаривать, а я ей: "Нет, скажу, коли у вас лучше, так уж что же мне здесь делать; может быть, я вам уж надоел; прощайте, скажу.... навсегда". -- "Но зачем же навсегда, Иван Иваныч?? -- "Нет, скажу, если прощаться, так навсегда, у меня такой характер". Взять шляпу и уйти... Ну, что ж потом! А, чорт возьми! Она еще, пожалуй, будет рада, что я ушел, а Мерич и подавно! Так нет же, останусь, назло им; буду ходить каждый день; буду в глаза смеяться над Меричем: уж как-нибудь да я его выживу отсюда!.. Я на всякое средство решусь!.. (Ходит по комнате.)

Входят Марья Андреевна и Мерич.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Милашин, Мерич и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Здравствуйте, Иван Иваныч! Что, ушли свахи?

Милашин. Кажется, ушли; мне навстречу две попались.

Марья Андреевна. Как это скучно! (Стоит задумавшись.) Заходите к нам, Владимир Васильич, почаще. Обещайте.

Мерич. Смею ли я послушаться, когда вы приказываете. Только я вам повторяю, Марья Андревна, я вас боюсь.
Марья Андреевна. Полноте шутить-то!

Милашин делает гримасы довольно заметно.

Марья Андреевна (Милашину). Что с вами: вы нынче как будто не в духе?

Милашин. Так-с, у меня что-то голова болит.

Мерич. Голова болит! Это нехорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андревна, засвидетельствуйте мое почтение маменьке.

Марья Андреевна. Когда же вы к нам?

Мерич. Завтра, если можно.

Марья Андреевна. Очень можно! Так завтра. Я буду ждать.

Мерич. Непременно. (Уходит.)

Марья Андреевна подходит к двери.

Марья Андреевна. Смотрите же, не обманите.

Мерич (за сценой). Честное слово!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Милашин. Что это он с вами говорил в саду, Марья Андревна?

Марья Андреевна. А вам какое дело? Вы очень любопытны.

Милашин. Извините, Марья Андревна, я думал, что у вас с Меричем нет особенных секретов. Я не знал... Может быть, это что-нибудь такое, чего и сказать нельзя.

Марья Андреевна. Может быть.

Милашин (после непродолжительного молчания). Скажите, Марья Андревна, за что вы меня не любите?

Марья Андреевна. Полноте, что вы! За что мне вас не любить?

Милашин. Конечно, я не так хорош, как Мерич; не бываю в обществе; не говорю по-французски. Нынче эти качества очень

ценят. Будь глуп, как пробка, только умей любезничать, болтать... Вот что нынче нравится. Это смерть досадно!

Марья Андреевна. Вы очень любезны.

Милашин. Вы меня извините, Марья Андреевна, а я говорю правду; я не виноват, если это вам не нравится... Чем я хуже какого-нибудь Мерича? Если б я захотел, я бы мог во сто раз быть лучше его.

Мальчишка! Нигде не учился; выучился только болтать по-французски в каком-то пансионе. Я по крайней мере в гимназии курс кончил. Как он смеет смеяться надо мной? Ничего не делает, только числится на службе, чтобы первый чин получить. Что у него отец-то богат, так невелика важность!

Марья Андреевна. Что он вам мешает?

Милашин. Да помилуйте, самый пустой человек! (Молчание.)

Марья Андреевна. Послушайте, Иван Иванович, вы влюблены в меня? (Милашин в смущении.) Бедный, мне вас жаль! Извините вы меня...

Милашин. Пожалуйста, не жалейте! Что ж делать, насильно мил не будешь. Осчастливьте того, кто достойнее меня!

Дарья (входит с самоваром). Матушка барышня, Платон Маркыч пришел.

Милашин. Очень кстати!

Марья Андреевна. Отчего ж не кстати?

Милашин. Да так, я его не люблю что-то.

Марья Андреевна. Вы, кажется, никого не любите.

Входят Анна Петровна с Добротворским.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, Анна Петровна и Добротворский.

Добротворский. Так вот, сударыня, дело-то какого роду.

Анна Петровна. Понимаю, понимаю, Платон Маркыч. (Садится к столу и наливает чай.)

Добротворский. Здравствуйте, матушка барышня, что это вы не веселы?

Марья Андреевна. Да чему же мне радоваться-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Да и то правда. Неурожай нынче, барышня, на женихов-то, неурожай.

Анна Петровна. Чаю не угодно ли?

Добротворский. Выпью-с. Не с чего невестам веселым-то быть. Ну, да уж для вас, матушка барышня, постараюсь отыскать хорошего -- будете благодарить. Я еще папеньку вашего знал покойного: благодетель для меня был. Так уж не извольте беспокоиться, постараюсь. Пожалуйте ручку.

Марья Андреевна. Нет, зачем, Платон Маркыч!

Добротворский. Ничего-с, пожалуйста. (Целует руку.)

Анна Петровна. Подвигайтесь, Платон Маркыч, сюда поближе.

Анна Петровна и Добротворский садятся с одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашин с другой.

Добротворский. Слушаю, сударыня! Народ то нынче, я говорю, сударыня, поизветреничался, женихов-то трудно искать. В наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало, чуть мальчик пооперится, поступит на службу, глядишь -- женится. Тогда, сударыня, Анна Петровна, холостых-то что-то мало было и видно, а у нас в суде, так, поверите ли, ни одного холостого чиновника не было. А нынче как живут молодые люди, так только дивиться надо. А уж это непорядок.

Анна Петровна. Какой уж это порядок! Что хорошего! Ох, да никак я вам сахару-то забыла. Что, Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

Марья Андреевна. Положили, маменька.

Добротворский. Что вы, сударыня, изволите говорить?

Анна Петровна. Говорю, что хорошего, -- нехорошо.

Добротворский. Нет, как можно, что хорошего! В наше-то время совсем не так было. Вот оно и невестам-то веселей было: долго-то не засиживались; разве уж которая с каким-нибудь недостатком телесным, горбатая там какая, да и теми не брезгали. Вот у моей у невестки, сударыня, шесть пальцев было на правой руке, мать-то все ахала, что, говорит, не возьмут...

Анна Петровна. Скажите!

Добротворский. Хороший человек взял -- и ничего. Так я и говорю, сударыня, что невестам-то веселей было, задумываться-то было не о чем.

Марья Андреевна. Да я совсем об этом и не думаю.

Добротворский. Как, чай, не думать, барышня! Не скажете только, а то как не думать! Конечно, дело девичье: этого не говорят, как будто от совести; а то как не думать, все думают. Так ли я, сударыня, говорю?

Анна Петровна. Так, Платон Маркыч, так, уж что толковать! Не хотите ли еще чашечку?

Добротворский. Пожалуйте. Вот, матушка барышня, и ваша маменька то же говорит. (Говорит потихоньку с Анной Петровной.)

Милашин. Дурак!

Марья Андреевна. За что вы его браните?

Милашин. Он вас совсем не понимает! Он думает, что вы так же о женихах хлопчете, как невестка его, у которой было шесть пальцев.

Марья Андреевна. А пусть его думает, что хочет; он очень добрый человек.

Милашин. Однако что они там шепчут?

Марья Андреевна. Что-нибудь о своих делах.

Добротворский (вполголоса). Прекрасный, сударыня, человек, и молодой еще, очень молодой. Он секретарь.

Анна Петровна. Что?

Добротворский (громче). Секретарь, говорю. Чин небольшой -- да место хорошее. Всего у него в доме много, лошади свои.

Анна Петровна. Что? Не слышу.

Добротворский. Лошади свои.

Марья Андреевна. Что такое он говорит?

Милашин. Это что-то интересно.

Анна Петровна. Послушай-ка, Машенька, Платон Маркыч какое нам одолжение делает: нашел человека, который хочет взяться за наше дело. Говорит, что очень хороший молодой человек.

Добротворский. Прекрасный, барышня, человек а уж делец какой -- беда!

Анна Петровна. Никак я про вас-то и забыла, Иван Иваныч. (Наливает ему чай.) А не пьет он, Платон Маркыч?

Добротворский. Как, чай, не пить, да должно быть, немного: кабы много пил, так бы слышно было.

Анна Петровна. Вот, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

Марья Андреевна. Да вы, маменька, опять за свой разговор.

Анна Петровна. Ах, боже мой! Что ж такое за важность! Ты ведь его еще не видала; посмотришь, может быть и самой понравится. Добротворский. Мы, сударыня, с ним к вам приедем.

Анна Петровна. Ах, Платон Маркыч, как я вам благодарна! Уж я, право, не знаю, как вам это и выразить! Сами видите, наше дело женское, что мы знаем. Так только маешься.

Добротворский. И, сударыня, что это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязан был... По гроб не забуду. Благодетель мне был, дай ему, господи, царство небесное, место покойное. Чем же мне ему заплатить-то? Ну, стар стал, не на все ума хватает.

Марья Андреевна (встает). Вы слышали, Иван Иванович?

Милашин (встает). Слышал. Это ужасно!

Марья Андреевна. Вот это у нас вечно такой раз говор.

Милашин. Я не знаю. Я не могу притти в себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убивает меня. Я, кажется, этого не перенесу.

Марья Андреевна. Вы все о себе. Вы обо мне-то подумайте хоть немножко.

Милашин. Что же об вас-то! Вы посмотрите, может быть, он вам понравится. Вы будете счастливы. Что ж! Я готов пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы.

Марья Андреевна. Это что такое! Полноте, перестаньте. Пойдемте в сад.

Уходят.

Добротворский. Так мы завтра приедем, сударыня. Об деле потолкуем, да он Марью Андреевну посмотрит. Может, она ему и понравится. Вот два дела разом и сделаем.

Анна Петровна. Хорошо бы, Платон Маркыч, очень хорошо. Тяжба-то эта у меня из головы нейдет, -- ночи ведь не сплю. Ну, как дом-то отнимут, куда я денусь? Да и Машеньку-то уж пора выдавать, право, пора.

Добротворский. Чего, матушка, ждать! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня! (Перевертывает чашку.) Прощенья просим.

Анна Петровна. Прощайте, Платон Маркыч; так мы ждать будем.

Добротворский. Хорошо-с.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена представляет небольшой тенистый сад: направо от зрителей скамейка, сзади которой большой куст. Хорьков сидит на скамейке, повесив голову,

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хорьков. Ушел, струсил! Какой я жалкий человек! Однако что я делаю наконец! За что же я гублю себя? Вот уж три года, как я кончил курс, и в эти три года я не сделал ровно ничего для себя. Меня обдает холодом, когда я вспомню, как я прожил эти три года! Лень, праздность, грязная холостая жизнь -- и никаких стремлений выйти из этой жизни, ни капли самолюбия! Для себя я ни на что не решусь, я это знаю. В ней мое единственное спасение, а я не смею сказать ей, что люблю ее. Нет, надобно кончить! Неужели она не сжалится надо мной? Для нее я бы стал работать, трудиться; она одна только способна привязать меня к жизни. (Садится.) Боже мой, как я люблю эту девушку! Как я люблю ее!

Хорькова входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хорьков и Хорькова

Хорькова (сядась на скамейку). Как это тебе, Миша, не стыдно! Зачем ты ушел? Только что я стала выражать Марье Андревне, как ты их любишь и как ты об них относишься, ты сейчас и бежать... Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь, а ты всего конфузишься.

Хорьков. Ах, маменька! Не говорите, сделайте милость, обо мне с Марьей Андревной! Я сам поговорю. Вы и так про меня всегда бог знает что рассказываете.

Хорькова. Да, дождешься тебя! Странно это, Миша, ты человек образованный...

Хорьков. Да, маменька, я образован, у меня сердце доброе; кроме этого, я знаю, что со мной она¹ будет счастлива, что только я один могу оценить ее, что она погибнет в этом кругу жертвой расчета или невежества... но я боюсь, что она мне откажет.

Хорькова. Ах, боже мой! Свет-то не клином сошелся -- найдем другую.

Хорьков. Где я найду другую? Хорошо, что случай свел меня с Марьей Андревной, я ее узнал, полюбил... Да поверьте же вы мне, что я так люблю Марью Андревну, что никого не могу видеть, кроме нее... Я и не думал, что так могу полюбить. Я измучился в последнее время... Вы видите, я плачу... Я не могу жить без нее.

Хорькова. А коли любишь, так откройся -- это всегда так делают.

Хорьков. Я поговорю с ней, непременно поговорю: надобно же чем-нибудь кончить... А что, если она мне откажет? Теперь по крайней мере есть надежда, есть мечты, а тогда что?

Хорькова. Странно это, Миша: ты человек образованный, а что ты делаешь, как погляжу я на тебя. Никакого ты знакомства не имеешь, делом не занимаешься, валяешься дома в халате с трубкой. Вот теперь влюбился, а сказать боишься. Ты посмотри, как другие-то

образованные люди живут: барышни за ними сами ухаживают...
Вот, кажется, Марья Андревна сюда идет.

Хорьков. Маменька! Ради бога, не говорите ни слова!

Хорькова. Сделай милость, не учи! Я хоть женщина и необразованная, а умею себя вести.

Марья Андреевна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Марья Андреевна.

Хорькова (встает). Погулять вышли?

Марья Андреевна. Да, немножко освежиться. (К Хорькову.) Вы что здесь делаете?

Хорьков. Так-с, мечтаю...

Хорькова. Он у меня все тоскует.

Марья Андреевна. Об чем?

Хорькова. Влюблен, должно быть: я так замечаю по его словам.

Хорьков. Маменька!

Хорькова. Посмотрите, как страдает: право, мне на него даже тяжело смотреть.

Хорьков. Маменька! Ах, боже мой!

Марья Андреевна. Право, мне не верится. В кого же влюблен Михаил Иванович?

Хорькова. Уж это извольте спросить сами. Миша! (Делает ему знак и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Хорьков и Марья Андреевна.

Марья Андреевна (сядась подле Хорькова). Что вы такие скучные? Вы в самом деле влюблены?

Хорьков. Да, я не знаю, что со мной делается.

Марья Андреевна. А я так плачу нынче целое утро.

Хорьков. Об чем же вы плачете?

Марья Андреевна. Маменька все с женихами пристаёт. Какой-то купец старик, да нынче еще чиновник приедет. Как вам это покажется?

Хорьков. Это ужасно!

Марья Андреевна. Да и к тому же, Михаилу Иванович, -- я с вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны с вами. Не правда ли? (Протягивает ему руку.)

Хорьков (берет ее руку). Говорите, говорите.

Марья Андреевна. Я сама влюблена немножко.

Хорьков (встает быстро). Вы?

Марья Андреевна. Что вы так испугались? Не бойтесь, не в вас.

Хорьков (садится). Нет-с. Я так, извините.

Марья Андреевна. Как вы испугались! А вы думали, что в вас? Не бойтесь, не бойтесь: я не потревожу вашей солидности. (Молчание.) Вот какое мое положение, Михаилу Иванович. Что вы мне посоветуете?

Хорьков. Я-с? Я решительно ничего.

Марья Андреевна. Я теперь не могу ни за кого идти... Неделю прежде я бы пошла, если бы нашелся хороший человек.

Хорьков. Неужели ни за кого?

Марья Андреевна. Решительно ни за кого.

Хорьков. А если б я за вас посватался? (Принужденно смеется.) Я шутя вас спрашиваю.

Марья Андреевна. И за вас бы не пошла. Я с вами дружна, а любить вас не могу.

Хорьков (с возрастающим волнением). А как бы я любил вас! Как бы я старался угождать вам! С какой бы готовностью исполнял малейшее ваше желание! С какой бы благодарностью я принимал каждую вашу ласку!

Марья Андреевна (взглянув на него). Вы шутите?.. Впрочем, если бы вы посватались, мне все-таки было бы не так тяжело: я вам могу откровенно сказать, что вас не люблю, и вы не обидитесь, а другие еще обижаются.

Хорьков. Да, да, конечно. (Молчание.)

Марья Андреевна. Что, каков человек Мерич?

Хорьков. Мерич?

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич.

Хорьков. Не знаю, Марья Андреевна, что вам сказать; право, не знаю.

Марья Андреевна. То есть вы не хотите. Однако прощайте: мне пора к маменьке. (Уходит.)

Хорьков. И я, дурак, мечтал о счастье!.. Боже мой, боже мой!.. (Сидит, закрывши лицо руками.)

Милашин и Мерич входят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Хорьков, Милашин и Мерич.

Мерич. Что нынче здесь за праздник? Дарья такая нарядная; так разрядилась, что смотреть не хочет. Бегает взад и вперед с крахмальными юбками.

Милашин. Гостей ждут.

Мерич. Каких же это гостей?

Милашин. Приедет какой-то чиновник по делу Анны Петровны. Да его, кажется, прочат в женихи Марье Андреевне. Это ужасно досадно!

Мерич. Что же вы не женитесь на Марье Андреевне?

Милашин. Я-с? По самой простой причине. Нам будет жить нечем: у меня нет состояния, у нее также.

Мерич. А любовь? G милым рай и в шалаше. Мне кажется, что она вас любит.

Милашин. Может быть! Да-с, может быть! Разве вы что-нибудь заметили?

Мерич. Нет, я нарочно, Иван Иванович; она вас не любит.

Милашин. Почему же вы так думаете?

Мерич. Я не думаю, а наверное знаю. Она мне сама сказывала.
Милашин. Это странно, что Марья Андревна так говорит. Это обидно даже. Мне, конечно, все равно: любит ли она меня, или нет, я на это никакого внимания не обращаю. Я сам к ней совершенно равнодушен. Да зачем говорить? Этим она хочет показать, что я за ней ухаживаю. Нет, уж я предоставлю это другим.

Мерич. И прекрасно! И я бы на вашем месте то же сделал. Однако это жалко, если она выйдет замуж: она такая хорошенькая. Мне всегда жаль, когда хорошенькие девушки замуж выходят. Вам не жаль?

Милашин. Нет, не жаль.

Мерич. Софи Барашкова тоже недавно вышла замуж. Вы ее не знали?

Милашин. Нет, не знал.

Мерич. Мы были очень привязаны друг к другу. Вам я могу признаться, Иван Иванович, вы, конечно, никому не скажете: она меня очень любила. Вот, посмотрите, какое она мне письмо написала перед свадьбой. (Вынимает.) Хотите прочесть?

Милашин. Зачем же я буду читать чужие письма?

Мерич. Как хотите! (Прячет опять.) Я надеюсь, что вы никому не скажете. Марья Андревна, вероятно, в комнатах, -- я пойду к ней! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Милашин и Хорьков.

Хорьков. Иван Иванович!

Милашин. А, вы здесь! Я вас и не заметил.

Хорьков. Что, этот Мерич часто здесь бывает?

Милашин. Прежде редко бывал, а теперь опять стал каждый день ходить.

Хорьков. Это дурно.

Милашин. Да вы представьте мое-то положение: каждый день ходит, чорт знает зачем!

Хорьков. Да вам-то что ж?

Милашин. Нет, как хотите, Михайло Иванович, это мне ужасно неприятно.

Хорьков. Тут не об вас толк. Он может иметь очень дурное влияние на Марью Андревну. Я его давно знаю. Он еще мальчишкой был, сам к себе письма писывал да хвастался товарищам в пансионе, что от барышень получает. Если вы имеете влияние на Марью Андревну, так вы ее предостерегите: мне будет очень жаль, если она поверит этому пустому человеку.

Милашин. Хорошо, Михайло Иванович. Покорно вас благодарю, что вы мне открыли глаза насчет этого человека. Я ей непременно скажу.

Хорьков. Да поверит ли она вам?

Милашин. Поверит, непременно поверит: она меня очень любит.

Хорьков. Едва ли, Иван Иванович! Мне кажется, что она вас совсем не любит.

Милашин. Отчего вы так думаете? Разве я хуже других? Нет, уж извините! Вы меня не знаете: меня тоже женщины очень любят.

Хорьков. Ну, положим, что так. Только надо сделать поумнее, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы из ревности хлопочем. Эх, не хочется мне с ним связываться-то только, а то бы я его сразу выгнал отсюда.

Милашин. Хотите, я это сделаю? Я буду в глаза смеяться над ним.

Хорьков. Из этого ничего не выйдет; Марья Андревна на вас рассердится, и только. А впрочем, что нам за Дело, пусть их как хотят! (Молчание.) Чудак этот Мерич! Мне случайно попалась тетрадка из его дневника да несколько писем, которые он писал нашей соседке, а та отдавала мужу; уж чего там нет!

Милашин. Одолжите мне этих писем на время.

Хорьков. На что они вам? Пожалуй, возьмите.

Милашин. Покорно вас благодарю! (Берет его за руку.) Вы меня очень обязали.

Хорьков. Да за что вы меня благодарите: я стараюсь об Марье Андревне, а не об вас, потому что очень люблю ее и принимаю в ней большое участие.

Милашин. И я люблю...

Хорьков. Я верю. Мерич может очень много вреда сделать Марье Андревне. Он человек совершенно без правил.

Милашин. Да и мне ужасно надоел: старается очернить меня в глазах Марьи Андреевы, мешает мне.

Хорьков. Пойдемте домой, Иван Иваныч; нам, кажется, нечего здесь делать.

Милашин. Нет, мне нельзя уйти; мне надобно здесь остаться. Марья Андреева, пожалуй, рассердится, что я ушел.

Хорьков. Не беспокойтесь, не рассердится; ей теперь не до вас: нынче Анна Петровна ждет какого-то чиновника, которого она хочет просить о своем деле. Что вы будете здесь делать?

Милашин. Пожалуй, пойдемте.

Уходят. С другой стороны выходят Мерич и Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Мерич. Прощайте, Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Куда вы? Мне будет скучно одной; посидимте здесь немножко. (Садятся.)

Мерич. Я слышал от Милашина, Марья Андреевна, что вам сватают какого-то жениха.

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич, поминутно сватают то одного, то другого.

Мерич. И вы пойдете?

Марья Андреевна. Не знаю; но что же мне делать? Надо же выйти замуж,

Мерич. Ну, я с своей стороны не вижу никакой необходимости; разве вас что-нибудь заставляет?

Марья Андреевна. Много причин. Вы не знаете наших обстоятельств.

Мерич. Но, боже мой, неужели это так необходимо?

Марья Андреевна. Маменька говорит, что необходимо.

Мерич. Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андреевна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой.

Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдать одному человеку.

Марья Андреевна. Вы все шутите!

Мерич. Нет, не шучу. Вы рассудите, Марья Андреевна, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни... Ну, в деле сердца я бы не послушался маменьки. Для маменьки вы хотите губить свое счастье и счастье других. Какой еще вы ребенок!

Марья Андреевна. Да, если б это счастье было возможно для меня! А то мне нечего жалеть, нечего ждать! Меня никто не любит, я тоже никого не люблю,

Мерич. Вы никого не любите?

Марья Андреевна. Никого.

Мерич. И вас никто не любит?

Марья Андреевна. Мне кажется.

Мерич. В таком случае, другое дело. Но все-таки страшно пожертвовать собой расчетам других.

Марья Андреевна. Что ж делать-то! Я буду выбирать такого человека, который, имея состояние, удовлетворял бы несколько и моим требованиям.

Мерич. Откуда в вас такая положительность, такие практические правила?

Марья Андреевна. Нужда научит.

Мерич. Если вы решились, я не хочу поколебать вашей решимости; она делает вам честь. Но что, если б вы полюбили кого-нибудь, если б вам случилось встретить человека, который вас любит пламенно, со всем пылом юношеской страсти?

Марья Андреевна. Я не знаю, Владимир Васильич, но едва ли это случится когда-нибудь.

Мерич (меланхолическим тоном). Теперь, когда уж дело кончено, когда вы соглашаетесь пожертвовать собой для вашей маменьки, что, разумеется, очень похвально, я могу вам сказать, что я вас любил, Марья Андреевна, любил страстно; я вас до сих пор люблю так, как никто вас любить не будет.

Марья Андреевна. Вы меня не обманываете, Владимир Васильич?

Мерич. О нет, нет...

Марья Андреевна. Вы меня не обманываете?

Мерич. Все клятвы, какие я знаю...

Марья Андреевна. Не нужно, не нужно... Ах, Владимир Васильич! Не обманывайте меня, ради бога! Вам так легко меня обмануть -- я сама вас... люблю...

Мерич. Ангел мой! Я не верю своему счастью... Зачем же слезы! Марья Андреевна! Машенька! Мери! (Целует руку.) Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ах, как ты хороша в эту минуту! Я бы желал, чтобы теперь весь свет тебя видел с этими слезами на глазах.

Марья Андреевна. Я, кажется, дурно сделала, что призналась вам.

Мерич. Отчего же дурно? Тебе совестно, что у тебя есть сердце, что ты выше всех этих бесчувственных кукол, которые хвастаются тем, что не любили никогда. Я могу оценить твою любовь.

Марья Андреевна. Я надеюсь. (Припадает к нему.) Ах, не смотри на меня, я, право, такая глупая; я думала, что у меня достанет твердости скрыть мою любовь.

Мерич. Да зачем же скрывать ее?

Марья Андреевна. Да, теперь уж, конечно, незачем. Напротив, теперь я хотела бы тебе вдруг открыть свою душу, чтобы ты знал, как много я люблю тебя.

Мерич. Зачем? Ты и так для меня дороже всего на свете.

Марья Андреевна. Нет, Владимир, нет, ты так меня не любишь, как я тебя люблю. Ты для меня все теперь, все, все! Ты веришь моим словам?

Мерич. А ты моим веришь?

Марья Андреевна. Не знаю: и хочется верить, и боюсь... С твоей стороны будет безжалостно обмануть меня.

Мерич. К чему эти черные мысли! Посмотри, вся природа нам улыбается. (Сидят несколько времени молча.)

Марья Андреевна. Ах, боже мой, я и забыла: нынче к нам хотел приехать чиновник какой-то. Маменька там хлопочет, велела мне одеваться хорошенько.

Мерич. Уж не жених ли какой-нибудь?

Марья Андреевна. Не знаю. Ты, впрочем, не беспокойся. Я скажу маменьке, что не нравится... Уж как-нибудь сделаю.

Мерич. И скоро будет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так я пойду, прощай. (Встают со скамейки.)

Марья Андреевна. Прощай. Когда же ты придешь? Приходи завтра поутру; маменьки не будет дома.

Мерич (целует ее). Приду, приду. Прощай! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Андреевна (одна, прислонившись к дереву). Он ушел! Хорошо ли я сделала? Мне и стыдно и весело. Что, если это только шалость с его стороны? Боже мой, как мне совестно за себя! (Молчание.) А если он любит в самом деле? Он всегда такой скучный, печальный. Он говорит, что до сих пор постоянно обманывался в женщинах. Ах, как бы мне хотелось знать, любит ли он меня... а я его очень люблю. Чего я для него не сделаю!.. все, все, все!.. (Стоит, закрывши лицо платком.)

Входит Дарья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас! Сбилась с ног нынче день-то деньской... Барышня, а барышня! Где вы тут?

Марья Андреевна. А! Что?

Дарья. Ищу, матушка, засовалась совсем, как угорелая кошка. Кто-то приехал, маменька вас спрашивает.

Марья Андреевна. Приехал! Ах, боже мой!

Дарья. Пойдемте, я вам головку причешу, да и платице-то бы другое надели.

Марья Андреевна. Пойдем, пойдем.

Уходят.

СЦЕНА II

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Добротворский и Беневоленский входят.

Добротворский. Пожалуйста, Максим Дорофеич, пожалуйста. Признаться сказать, вас не ждали так рано. Поторопились, батюшка, раненько пожаловали. Ну, известно, женское дело. Повремените маленечко.

Беневоленский. Ты говорил, что здесь есть барышня хорошенькая. Ты смотри -- я ведь разборчив.

Добротворский. Нет, как же можно, помилуйте, Максим Дорофеич. Такая барышня, что генералу взять не совестно. Я еще с папенькой ихним был знаком...

Беневоленский. А хорошо ли она образована?

Добротворский. Отлично образована.

Беневоленский. То-то же. Ты ведь знаешь меня, Платон Маркыч, у меня и состояние есть, и место, ну и знакомство. Мне такую невесту нужно, чтобы не стыдно было в люди показать: ну, чтоб и хозяйка в доме была, знаешь, в таком чепчике, по-нынешнему, чтобы принять кого-нибудь... Ну, чтобы и тон этакий светский. Понял ты меня?

Добротворский. Как не понять! Уж, конечно, что вам за крайность на дурной жениться, сами-то вы ишь какой молодец! Ах, батюшка, голубчик! (Треплет его по спине и потом кланяется.)

Беневоленский. Ну, то-то же. Что, манишка у меня тут вот сзади не выбилась?

Добротворский. Нет-с, ничего -- в исправности. Причесаться вам разве не угодно ли -- вот гребеночка.

Беневоленский (берет и причесывается перед зеркалом.) Ну, так как же, братец, ты говоришь, хороша барышня-то?

Добротворский. А вот увидите, Максим Дорофеич. Что прежде времени говорить, сами посмотрите.

Беневоленский. Посмотрим, братец, посмотрим. А отдадут за меня, коли мне понравится?

Добротворский. Как, чай, не отдать. Да ведь что ж такое: попытка не шутка, а спрос не беда.

Беневоленский. Хорошо, братец, хорошо. (Садится.) Платон Маркыч! Ты не видал у меня дрожки?

Добротворский. Нет, не видал-с.

Беневоленский. А вороную, что на пристяжке ходит, не видал? Вот посмотри! (Показывает в окно.) Что, хороша?

Добротворский. Ах, проказник вы, проказник, Максим Дорофеич! Да ведь, чай, некупленная?

Беневоленский. Разумеется.

Добротворский. Ну, так даровому коню в зубы не смотрят.

Молчание.

Беневоленский. Послушай, Платон Маркыч, найди мне где-нибудь органчик небольшой.

Добротворский. Извольте, батюшка! На что вам?

Беневоленский. Канареек учить.

Добротворский. Хорошо, поищу.

Беневоленский. Поищи. (Вынимает табакерку, нюхает.) Хочешь?

Добротворский (нюхает, потом берет табакерку и взвешивает то на одной, то на другой руке). Вещичка-то хорошая! Где изволили приобрести?

Беневоленский. Так, нечаянно хороший человек набежал. Да не помнишь ли ты, было у нас дело купца Пересемкина с малолетними наследниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходила до Правительствующего сената и возвращено для справок...

Анна Петровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Анна Петровна.

Беневоленский. Честь имею представиться. Коллежский секретарь Беневоленский.

Анна Петровна. Очень приятно познакомиться. Милости просим садиться. Служить изволите-с?

Беневоленский. Как же, служу-с с восемьсот тридцать восьмого года. Я вам скажу, я очень доволен своим местом и своим начальством. К службе я человек усердный, с подчиненными строг.

Анна Петровна. И родство имеете здесь, в Москве?

Беневоленский. Нет, совершенно никого-с.

Анна Петровна. Я думаю, вам (к Добротворскому)... Как, бишь, Платон Маркыч, я всё забываю?

Добротворский. Максим Дорофеич.

Анна Петровна. Памяти нет совсем, Максим Дорофеич! Вот что ты будешь делать, право. Я думаю, вам, Максим Дорофеич, скучно. Я вот по себе сужу, дело женское, сами знаете... Еще при покойнике-то было туда-сюда: ну знакомство все этакое, а теперь просто не знаю, что делать.

Беневоленский. Я с вами, сударыня, согласен.

Анна Петровна. Вот процесс теперь. Как это без мужчины; пожалуй, проиграешь.

Беневоленский. А позвольте узнать, в чем состоит ваше дело?

Анна Петровна. Я уж и не запомню всего-то, еще, пожалуй, переверну, а вот уж вам Платон Маркыч расскажет.

Добротворский. Вникните, батюшка, Максим Дорофеич, вникните!

Беневоленский. Хорошо, я посмотрю. Если можно что-нибудь, сударыня, сделать, так сделаем, а если нельзя, так не взыщите -- наше дело такое. Конечно, кто богу не грешен, царю не виноват, но я вам доложу, нынче насчет этого очень строго.

Добротворский. Точно, матушка, строго. Это они правду говорят. Строгости пошли. Это так точно.

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста!

Беневоленский. Нынче уж держи ухо востро. Я вам про себя скажу: в постоянном страхе находишься. Нельзя, чтобы грешков не было; того гляди, под суд отдадут, выгонят из службы, куда денешься? Ну, хорошо, я холостой человек, а другой женатый...

Анна Петровна. А вы не намерены обзавестись семейством?

Беневоленский. Это вопрос, сударыня, очень важный в жизни, особенно в моей. Я имею состояние, всего у меня много, своих лошадей держу. Кабы посмотрели, какую я квартиру занимаю; вон Платон Маркыч видел. Ты видел, Платон Маркыч, квартиру?.

Добротворский. Как же, видел-с; квартира отличная.

Беневоленский. Следовательно, чего же я должен искать, я вас спрашиваю?

Анна Петровна. Подругу жизни, Максим Дорофеич, я так думаю.

Беневоленский. Я с вами согласен, сударыня. Но, сколько мне известно, всякая жена есть подруга жизни. Я должен преимущественно искать хозяйку. Мое дело приобретать всеми силами, а ее дело хозяйничать. У меня порядку нет в доме; ведь, пожалуй, и растащат у холостого человека. Все может случиться.

Анна Петровна. Что мудреного, Максим Дорофеич.

Добротворский. Мудрено ли, долго ли до греха. Это точно.

Беневоленский. Я желал бы, чтоб недурна была собой и образована, чтобы не стыдно было в люди показаться, выехать куда-нибудь.

Хотя у нас знакомство и неважное, все больше мелкие чиновники, но все-таки, знаете ли, я вам скажу откровенно, приятно иметь красивую и образованную жену. А главное -- мне нужно хозяйку.

Анна Петровна. Вы справедливо рассуждаете, Максим Дорофеич; но, может быть, вы захотите также большого приданого?

Беневоленский. Я? Нет-с, я не того ищу. Девушку с состоянием за меня не отдадут, по незначительности моего происхождения и даже самого положения в свете. А есть невесты благородные и образованные, но бедные -- и для них-то, я вам без гордости скажу, такой жених, как я, -- находка.

Анна Петровна. Я с вами согласна, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Разумеется, я красотой не могу похвалиться; образование я тоже получил, сказать вам по простонародному выражению, на медные деньги; но я видел людей, не конфужусь в обществе и могу сказать, что очень развязен даже с дамами. Теперь я вас спрошу, что такое красота в мужчине? -- Последнее дело.

Анна Петровна. Это одна глупость, Максим Дорофеич... Так, фантазии.

Беневоленский. Умная девушка не обратит внимания на красоту; для нее довольно, чтобы мужчина был умен, ну там... одет порядочно...

Анна Петровна. Непьющий...

Беневоленский. Конечно... А знаете ли вы, сударыня, я вам осмелюсь сказать, что в мужчине даже и это ничего. Как ты думаешь, Платон Маркыч, об этом?

Добротворский. Ничего, сударыня Анна Петровна, мужчине это не мешает. Был бы добрый человек.

Анна Петровна. Ну, как же, Платон Маркыч? Разве уж изредка, а то как же?

Беневоленский. В женщине это порок, я с вами согласен, а для мужчины даже составляет иногда необходимую потребность. Особенно, если деловой человек; должен же он иметь какое-нибудь развлечение. Разумеется, я сам первый осуждаю тех, которые имеют к этому большое пристрастие. (Молчание.) Так вот, сударыня я какое мнение имею насчет женитьбы. Впрочем, мне еще торопиться некуда, я могу выбрать невесту совершенно по моему желанию.

Добротворский. Куда вам торопиться, что вам за крайность.

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Анна Петровна. Дочь моя, Машенька! Максим Дорофеич Беневоленский!

Беневоленский. Очень приятно познакомиться. (Подходит к руке, потом садится рядом очень развязно.) Вы, я слышал, очень любите музыку?

Марья Андреевна. Иногда, от скуки, играю.

Анна Петровна. Неправда, неправда: все сидит за фортепьянами, никак не отгонишь. Что, бишь, ты, Маша, играешь-то так часто, я все позабываю?

Марья Андреевна. Право, не знаю -- я много играю.

Анна Петровна. Нет, вот это, что ты еще нынче играла?

Марья Андреевна. Из "Роберта-Дьявола" -- Grace.

Анна Петровна. Да, да. (Тихо.) Будь поразвязнее.

Беневоленский. Вообразите, я никогда не видал этой оперы; говорят, очень хорошая музыка. Как-то раз собрались компанией, да и то не попали.

Анна Петровна. Как же это?

Беневоленский. Очень просто. Мы прямо из присутствия зашли обедать в трактир, чтобы оттуда отправиться в театр. Ну, люди молодые, про театр-то и позабыли; так и просидели в трактире.

Марья Андреевна (тихо). Это ужасно!

Беневоленский. Я сам тоже люблю музыку, но, к несчастью, я не играю ни на одном инструменте, да деловому человеку это и не нужно. Играл прежде на гитаре, да и то бросил -- некогда, совершенно некогда.

Марья Андреевна (про себя). О, господи!

Беневоленский. Вы, может быть, занимаетесь литературой?

Барышни обыкновенно романы читают; еще в пансионах начинают читать потихоньку от надзирательницы.

Марья Андреевна. Да, я читаю кой-что. А вы?

Беневоленский. Я совершенно отстал; прежде читал, а теперь, знаете ли, дела, так решительно ничего не читаю.

Анна Петровна. Что это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофеичу: у него и без того дела много, без этих глупостей.

Беневоленский. Что же нынче пишут, скажите?

Анна Петровна. Бог знает, что пишут, чего никогда не бывает -- одни фантазии.

Добротворский. Именно, сударыня, фантазии. Так, мечта.

Беневоленский. Вероятно, больше все про любовь пишут.

Анна Петровна. Какая любовь! Все глупости, никогда этого не бывает. Чайку, Максим Дорофеич, не угодно ли?

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю -- я до него совсем не охотник.

Добротворский. Что, сударыня, за чай; не такие мы гости, чтоб чай пить. А вы велите-ка закусочку подать, так мы с Максимом Дорофеичем по рюмочке бы выпили.

Анна Петровна. Сейчас, батюшка, сейчас. Извините меня, я вас оставляю на минуточку. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, без Анны Петровны.

Беневоленский. Это ты недурно выдумал, Платон Маркыч. (Вынимает часы. К Марье Андреевне.) Я обыкновенно в это время водку пью, такую уж привычку сделал.

Добротворский. Хе, хе, хе! А то что за чай! Что мы, дети, что ль, маленькие!

Беневоленский. Ваша маменька об любви рассуждает, как старый человек; я им не хотел противоречить, потому что понимаю уважение к старшим. А я совсем противоположного мнения об любви; я сам имею сердце нежное, способное к любви; только у нас дел очень много: вы не поверите, нам подумать об этом некогда. (Смотрит на нее нежно.) Какие вы конфеты любите?

Марья Андреевна. Я никаких не люблю.

Беневоленский. Не может быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтоб я угадал ваш вкус. Позвольте мне привезти вам в следующий раз. Платон Маркыч, какие Марья Андреевна конфеты любят, они не сказывают?

Добротворский. Не знаю-с; надо у маменьки спросить.

Беневоленский. А вот мы спросим.

Марья Андреевна. Пожалуйста, не беспокойтесь; я не хочу никаких конфет.

Беневоленский. Ну, уж как вам угодно, а я все-таки привезу. Позвольте вас попросить сыграть что-нибудь.

Марья Андреевна. Я, право, ничего не играю.

Беневоленский. Сделайте одолжение, я стану на коленях просить вас.

Марья Андреевна. Ах нет, зачем же! Извольте. (Садится к фортепьянам, берет несколько аккордов и начинает играть.)

Входит Анна Петровна, за ней Дарья вносит закуску, ставит на стол и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Не угодно ли, Максим Дорофеич; пожалуйста, без церемонии.

Беневоленский. Не беспокойтесь.

Добротворский. С вас начинать. (Наливает.) Пожалуйста.

Беневоленский. (Пьет, потом закусывает и, еще не прожевавши, подходит к фортепьянам и начинает подпевать. Марья Андреевна оборачивается и взглядывает на него вопросительно.) Не в тон взял... Сделайте милость, продолжайте.

Анна Петровна. Играй, Машенька.

Добротворский. Марья Андреевна отменно играют.

Беневоленский. Очень проворно. У меня был товарищ, он был регентом в певчих, так он на фортепьянах все, что вам угодно, самоучкой играл, по слуху; только проворства в пальцах нет; ну, вот что вы хотите, нет проворства.

Добротворский. Не повторить ли, Максим Дорофеич? Как это говорится-то: репетиция...

Беневоленский. Est mater studiorum {...мать учения.}. Да, это правда. Налей.

Добротворский (наливает). Пожалуйста, готово-с.

Беневоленский (пьет и закусывает). Прекрасный балык.

Анна Петровна. Уж не знаю, Максим Дорофеич, коли не обманул купец, так хорош. Везде все сама. Дело женское, сами знаете, долго ли обмануть? Без мужчины в этом деле никак нельзя. Как это без мужчины, посудите сами!

Добротворский (отводит к стороне Беневоленского и говорит тихо). Ну, батюшка, Максим Дорофеич, как вам наша барышня показалась?

Беневоленский. Послушай ты, Платон Маркыч, довольно с тебя этого: я влюблен. Я деловой человек, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотник, но я тебе говорю: я влюблен. Кажется, этого довольно. (Подходит к Марье Андреевне и опять подпевает.)

Анна Петровна (Добротворскому). Что он вам говорил?

Добротворский. Говорит: влюблен.

Анна Петровна. Что?

Добротворский. Влюблен, говорит.

Анна Петровна. Ну, и слава богу. Потчуйте его, отец мой, хорошенько.

Добротворский. Хорошо, сударыня, хорошо. Максим Дорофеич, винца не угодно ли?

Беневоленский. Налей.

Марья Андреевна (перестает играть и остается на стуле). Я устала.

Беневоленский. Чувствительно вам благодарен. Вы прекрасно играете, главное -- нигде не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сбиваются. (Смотрит на часы.) Извините меня, Анна Петровна, мне пора, у меня дела много, я ведь человек деловой. Позвольте мне выпить рюмку вина и проститься с вами. (Подходит к столу и пьет.) Ты со мной, что ли, Платон Маркыч?

Добротворский. С вами, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Ну, поедem, я тебя довезу.

Анна Петровна. Да вы бы, Максим Дорофеич, закусили чего-нибудь.

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю. Я выпью еще рюмку вина и имею честь откланяться. (Пьет и раскланивается, подходит к Марье Андреевне и целует руку.) До приятного свидания! Вы мне, вероятно, позволите еще раз посетить вас.

Анна Петровна. Сделайте милость, мы очень будем рады.

Беневоленский. А уж конфет привезу, непременно привезу. (Уходит с Добротворским.)

Анна Петровна. Какой человек-то, Машенька, чудо просто!

Марья Андреевна. Господи! Что это за мука! (Убегает.)

Анна Петровна. Машенька! Машенька! Куда ты? постой! Ну, вот теперь пода разговаривай с ней. Эко наказание!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Петровна входит в салопе, с большим ридикюлем; за ней
Марья Андреевна.

Анна Петровна (садится на стул подле двери). Не забыть бы чего!
Сначала в город... Ты все записала, что купить-то надо?

Марья Андреевна. Все, маменька.

Анна Петровна. Где, бишь, записочка-то? Постой! да, в ридикюле.
Так сначала в город, потом в суд зайти, об деле справиться. Еще
чего не надо ли?

Марья Андреевна. Нет, ничего. Ступайте, маменька, скорей, а то
опоздаете.

Анна Петровна. Прощай, бог с тобой! (Идет, потом возвращается.)
Скажи Дарье, чтобы без меня никого не принимать, особенно из
молодежи: ты теперь невеста, за тебя женихи сватаются. Что
хорошего, еще какой-нибудь разговор пойдет.

Марья Андреевна. Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорей.

Анна Петровна. Ну, прощай! Я скоро буду. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марья Андреевна (одна). Насилу-то ушла. А уж я боялась, что
Владимир придет при ней... Знает ли Владимир, с каким
нетерпением я жду его?.. (Садится к столу.) Я только теперь узнала,
какое блаженство любить и быть любимой!.. Что же это он нейдет?..
Я измучаюсь от нетерпения... Однако хорошо ли я сделала, что
велела ему сегодня притти?.. Мы будем одни... (Молчание.) Если б
можно было знать будущее, как бы я желала узнать, чем кончится
наша любовь. А впрочем, что мне за дело, чем это кончится -- мне

теперь хорошо: я люблю его, он меня любит, а там будь что будет. Кто-то идет! Не он ли? (Бежит к двери.)

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Вы зачем?

Милашин. Как зачем? Я к вам пришел.

Марья Андреевна. Маменьки нет дома; она не велела никого принимать без себя.

Милашин. Полноте шутить-то!

Марья Андреевна. Я совсем не шучу! Право, маменька не велела никого пускать.

Милашин. Ну, я вашей маменьки не послушаюсь... Но, может быть, вам самим не угодно, чтобы я здесь оставался?

Марья Андреевна. Ну, а если мне не угодно?

Милашин. В таком случае я уйду.

Марья Андреевна. Ну, и прощайте!

Милашин. Прощайте! Однако позвольте мне по крайней мере узнать, отчего вы меня гоните?

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Ну, да так, из капризу. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

Милашин. Как же я смею не исполнить!

Марья Андреевна. Так ступайте!

Милашин. Я пойду, что вы беспокоитесь.

Марья Андреевна. А сами ни с места.

Милашин. Да ведь это странно: вдруг, ни с того ни с сего, вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это ведь досадно!

Марья Андреевна. Ну, оставайтесь, пожалуй; я уйду в свою комнату, а вы сидите здесь одни. (Молчание.) Так вы не уйдете?

Милашин. Уйду-с... Я ведь к вам нынче за делом пришел.

Марья Андреевна сидит, отвернувшись к окну.

Вы меня не слушаете, а это дело касается вас.

Марья Андреевна. Что еще такое?

Милашин. Я хотел вам открыть глаза насчет одного человека.

Марья Андреевна. То есть вы сплетничать пришли. Так это можно сделать в другой раз, когда-нибудь на досуге.

Милашин. Нет, не сплетничать, а я хотел только предостеречь вас.

Марья Андреевна. В другой раз, Иван Иванович, пожалуйста, в другой раз! Ужо приходите.

Милашин. Да ведь только десять слов, Марья Андреевна. Я узнал про одного человека очень хорошие вещи.

Марья Андреевна (в сторону). Это наказание! (Милашину.) Про кого же?

Милашин. Про Мерича...

Марья Андреевна. Не рассказывайте мне, пожалуйста, я все знаю. (В сторону.) Мерзавец, выдумал что-нибудь про него.

Милашин. И прекрасно, что вы знаете; мне только этого и хотелось. Каков! Каким прикидывается!

Марья Андреевна. Да, да, ужасный человек!

Милашин. Ничего нет ужасного. Просто смешон! Мальчишка! Над всеми его шутками смеяться нужно.

Марья Андреевна. Ну, да, смешон! Иван Иванович, вы меня любите?

Милашин. Люблю, Марья Андреевна, ей-богу, люблю!

Марья Андреевна. Сделайте для меня одно одолжение.

Милашин. Все, что вам угодно; я для вас готов жизнью пожертвовать.

Марья Андреевна. Должно быть, на словах только? Я целый час прошу вас уйти, а вы все ни с места.

Милашин. Сейчас, сейчас! (Берет шляпу.) Прощайте! (Идет, потом возвращается.) Марья Андреевна! Умоляю вас, скажите, зачем вам хочется одной остаться?

Марья Андреевна. Иван Иванович, мы поссоримся!

Милашин. Виноват, виноват! (Несколько времени стоит.) Позвольте вашу ручку поцеловать на прощанье.

Марья Андреевна. С удовольствием!

Милашин целует, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марья Андреевна (одна). Наконец-то ушел. Бедный Владимир! Какой-нибудь Милашин смеет рассказывать про него, рассуждать об его поступках... Это ужасно! Он, бедный, нигде не находит сочувствия. Оттого, что он выше всех стоит, ему душно в этом обществе, -- ему все завидуют. Я так его люблю в эту минуту, что, кажется, всем бы для него пожертвовала. (Задумывается.) Однако что же он нейдет? (Садится у окна и смотрит.) Это, кажется, он! Брошусь ему на шею прямо, ни об чем не думая! (Отходит на середину комнаты.)

Входит Мерич. Она робко подходит к нему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна. Как я рада! Как я ждала тебя, Владимир!

Мерич. Мы одни?

Марья Андреевна. Одни.

Мерич целует ее.

Ах, сколько передумала я, перечувствовала со вчерашнего дня -- ты не поверишь. Мне хочется пересказать тебе это поскорей, поскорей -- я боюсь забыть.

Мерич. Что же такое ты перечувствовала?

Марья Андреевна. Ты, может быть, будешь смеяться -- смейся, пожалуй. Пойдем сядем к окну, оттуда видно будет, как маменька пойдет.

Мерич. А ты меня поцелуешь еще разик?

Марья Андреевна. Хоть десять раз, только поговорим немножко о моем положении.

Мерич. Ну, поговорим. Что же ты мне будешь рассказывать?

Марья Андреевна. Я тебе хотела много, много сказать. Вчерашнее наше свидание так было коротко, так много я думала о тебе вчера вечером, ночью, нынче поутру... а теперь я так взволнована: мне кажется, я уж ее позабыла.

Мерич. Ну и хорошо, что позабыла.

Марья Андреевна. Ах, вообрази, Владимир! Вчера вдруг явился какой-то урод, говорил об музыке, об Литературе, хотел мне конфет привезть. Каково было мое положение! Препротивный! Маменька за ним ухаживает... Да ты меня не слушаешь!..

Мерич. Я гляжу на твои глазки. Какие они у тебя хорошенькие. Так и хочется поцеловать. Я помню другие такие глазки... Она умерла... Бедная женщина! Ну, да что толковать о прошедшем: будем пользоваться настоящим. Ах, Мери, много я пережил... Я боюсь, хватит ли у меня сил, чтоб отвечать твоей детской любви. Если б я встретил тебя, Мери, года два тому назад!..

Марья Андреевна. Да ты выслушай, ради бога.

Мерич. Хорошо, хорошо -- слушаю.

Марья Андреевна. Приехал этот Беневоленский. Он груб, необразован -- просто ужас!

Мерич. Мери! Ведь это скучная материя. Зачем нам на эти пустяки терять драгоценное время?

Марья Андреевна. Да как же мне быть с этим Беневоленским? Я просто его боюсь.

Мерич. Стоит об этом думать! Тебе что за дело до этого Беневоленского?

Марья Андреевна. А маменька-то? Как же мне быть с маменькой-то? Ах, Владимир, ты многого не знаешь и не хочешь слушать.

Мерич. Что мне знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь; а если ты меня любишь, то я не думаю, чтоб ты пошла за Беневоленского.

Марья Андреевна. Но все-таки я в очень неловком положении. Посоветуй, что мне делать.

Мерич целует ее в плечо.

Ах, Владимир, кабы ты знал, как мне тяжело, а ты все с нежностями!

Мерич. Ах, боже мой, Мери, я люблю тебя! Я рад случаю, что застал тебя одну, а ты мне рассказываешь про маменьку, про женихов каких-то; да какое мне дело до них? (Целует опять в плечо.)

Марья Андреевна (уклоняется от него). Тебе, кажется, и до меня нет никакого дела, потому что ты не хочешь войти в мое положение. Бог с тобой!

Мерич. Ты сердишься... И это любовь!

Марья Андреевна. А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? (Плачет.)

Мерич. Вот и слезы! Раненько! (Садится на стул.) Впрочем, я так и думал! Это уж обыкновенная история! Вот любовь-то ваша!

Сначала признания, страстность, а потом -- либо папенька, либо маменька, или там жених какой-нибудь. (Молчание.)

Марья Андреевна. Владимир! Ты сердишься?

Мерич. Нет, я уж привык к этому. И тебе не жаль меня, Мери? Я уж и так измучен жизнью, а ты мне не хочешь доставить ни одной минуты неотравленного удовольствия.

Марья Андреевна. Не сердись, Владимир... Помирился. (Целует его.) Мало тебе этого?

Мерич. Очень мало.

Марья Андреевна целует его еще несколько раз.

Смелей, Мери, смелей! Вот теперь я вижу, что ты умная девушка. Ах, Мери, я вспомнил одну женщину: вот это была любовь!

Марья Андреевна. Зачем же ты мне это говоришь? Ты думаешь, мне это приятно слышать?

Мерич. Что ж это? Ревность! Ты разве ревнива? Я очень люблю дразнить ревнивых женщин.

Марья Андреевна. Нет, это не ревность, а мне обидно, что ты говоришь о других женщинах в то время, когда я к тебе ласкаюсь. Ты и про меня также станешь рассказывать...

Мерич. За кого же ты меня принимаешь! Нет, Мери, мне уж некого больше любить. Поцелуй меня, Мери!

Марья Андреевна. Довольно, Владимир, довольно. Лучше поговорим о чем-нибудь.

Мерич (садится рядом с ней и обнимает ее). О чем говорить, о чем говорить?

Марья Андреевна (проворно взглядывает в окно). Ах! Маменька!..

Мерич (вставая со стула). В самом деле?

Марья Андреевна (смеется). Нет, я нарочно, только чтобы ты сел подальше. В самом деле, Владимир, сядь подальше да поговорим. Мне так хочется поговорить с тобой.

Мерич (рассеянно). В следующий раз я тебе принесу свой дневник, мы его почитаем вместе, а теперь, знаешь ли что? Пойдем в сад.

Марья Андреевна. Как можно! Того и гляди, маменька придет.

Мерич. А скоро она придет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так прощай.

Марья Андреевна. Тебе уж скучно стало, не правда ли? Тебе скучно? Какой ты, Владимир! Кабы ты знал, с каким нетерпением я ждала тебя! Какое мне наслаждение тебя видеть! А ты десяти минут не хочешь посидеть со мной.

Мерич. Я боюсь, что Анна Петровна меня здесь застанет; тебе же будут неприятности.

Марья Андреевна. Ну что ж, она побранит меня, да и все тут.

Мерич. Ведь и мне тоже достанется. А впрочем, у меня есть дело необходимое: я, пожалуй, минут десять побуду, а больше нельзя. (Садится подле нее.) Я готов всю жизнь сидеть с тобой и любоваться на тебя.

Марья Андреевна. Ты, кажется, опять близко ко мне.

Мерич. Какие вы все странные: уйди от вас -- вы сердитесь; очень близко к вам -- вам тоже неприятно. Выбирай из двух: или уйти, или сидеть подле тебя.

Марья Андреевна. Остайся, только с уговором: посиди подольше.

Мерич. Изволь, изволь. (Обнимает ее. Сидят несколько времени молча). погоди, мой друг Мери, придет время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдешь за меня?

Марья Андреевна. Зачем же ты спрашиваешь?

Мерич. А может быть, тебя не отдадут за меня?

Марья Андреевна. Вот вздор какой!

Мерич. Впрочем, мне надобно устроить кой-какие дела свои -- и тогда, Мери, тогда... мы с тобой заживем славно.

Марья Андреевна. Да только сбудется ли это?

Мерич. Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какие обстоятельства... Не отдадут тебя -- я увезу.

Марья Андреевна. Маменька идет!

Мерич. Куда ж мне теперь деться! Ведь я ей навстречу попадусь. Мне бы этого не хотелось.

Марья Андреевна. Ступай через сад.

Мерич. Прощай. (Целует ее.)

Марья Андреевна. Прощай! Когда же?

Мерич. Скоро, скоро.

Марья Андреевна. Приходи поскорей!

Мерич уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Андреевна (одна, садится за работу). Боже мой, как я счастлива! Я не могу опомниться!.. Теперь для меня не страшна жизнь. Что б ни делалось вокруг меня -- у меня есть надежда, (видит задумавшись.)

Входят Добротворский и Анна Петровна, Дарья снимает с нее салоп и уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марья Андреевна, Добротворский и Анна Петровна.

Анна Петровна (садится). Что же нам теперь делать-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Что делать-то, сударыня -- божья воля! В отчаяние только приходить не надо.

Анна Петровна. Куда я теперь денусь с дочерью-то? Посудите, Платон Маркыч! Что я знаю, что я умею? Уж и до этого-то горя я не знала, что делать, а теперь вовсе дура сделалась. Посоветуйте.

Марья Андреевна. Что такое, маменька, случилось?

Анна Петровна. А то, что вот мы с тобой нищие теперь. Дело-то наше проиграно, дом-то отнимут, да еще взыскание положено.

Марья Андреевна. Ах, какое несчастье!

Анна Петровна. Что делать-то, Платон Маркыч? Посоветуйте.

Добротворский. Что я вам могу, сударыня, посоветовать? Ничего не могу. Вот хоть теперича прикажите меня казнить -- ничего не выдумаю, состарелся, поглупел. Делец был, Анна Петровна!.. Что ж делать-то?.. Вот уж и оглох совсем...

Анна Петровна. Да вы все-таки мужчина, а я и ума не приложу; женщина я слабая, сырая да и памяти совсем нет.

Добротворский. Какой уж я мужчина! Эх, эх! Вот так-то и всегда бывает: не ждали, не чаяли, а тут вдруг этакое несчастье. Ах ты, господи, боже мой! (Качает головой.)

Анна Петровна. Эко горе-то, Платон Маркыч, мне на старости лет-то! Одна-то-одинешенька, без мужчины... Вон еще обуза-то: не знаю, как с рук сбить.

Добротворский. Точно, сударыня, точно... Уж что говорить.

Анна Петровна. Да уж горюй не горюй -- этим не поможешь.

Добротворский. Не поможешь.

Анна Петровна.хлопотать надо как-нибудь; говорят, в сенат надо жалобу подавать.

Добротворский. Надо, сударыня, непременно надо; как же можно не хлопотать...

Анна Петровна. Знакомых-то у меня нет, попросить-то некого.

Добротворский. Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станет! Попросить, так надо денег дать.

Анна Петровна. Поищите, Платон Маркыч, нет ли у вас кого из знакомых, чтобы делами-то занимался.

Добротворский. Да уж кроме Максима Дорофеича, некого просить.

Анна Петровна. Вот и прекрасно! Он вчера с вами говорил что-нибудь, как от нас-то поехал?

Добротворский. Как же, говорил-с. Он говорит: коли отдадут Марью Андревну, так я хлопотать стану. Это дело еще можно исправить. Мне, говорит, Марья Андревна очень нравится; мне, говорит, лучше и не надо; узнай, как их расположение, а я, говорит, хоть сейчас готов.

Анна Петровна. Что ж вы до сих пор молчали?

Добротворский. Извините, сударыня, совсем из ума вон, а теперь вот к слову пришлось, и сказал.

Анна Петровна. Слышишь, Машенька!

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Ты Максиму Дорофеичу очень понравилась.

Марья Андреевна. Очень рада.

Анна Петровна. Ну, и слава богу, что рада; он предложение делает.

Марья Андреевна. Ни за что на свете!

Анна Петровна. Ты никак с ума сошла, как я погляжу на тебя. Разве ты не видишь, что нам теперь больше делать нечего; не по миру же нам итти.

Марья Андреевна. Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленского, я про него и слышать не хочу.

Анна Петровна. Что ты! Что ты! Ты опомнись -- ведь не десятки женихов-то у тебя, выбирать-то не из кого; не сотни тысяч за тобой, чтоб такими женихами брезгать: такого-то жениха нам с тобою и не дожждаться.

Марья Андреевна. Ради бога, маменька, не говорите мне про Беневоленского.

Анна Петровна. Ты дура совсем, я вижу. Да что с ней толковать, у нее еще все ветер в голове; она и сама не знает, что говорит...

Неужто ее глупости слушать? Скажите, Платон Маркыч, Максиму Дорофеичу, что мы очень рады, чтобы он формальное предложение сделал.

Добротворский. Хорошо, сударыня, нынче же скажу.

Марья Андреевна (быстро встает со стула). Что вы делаете! Платон Маркыч, не ходите к Беневоленскому! Он мне не нравится, он мне противен!.. Я не пойду за него ни за какие сокровища!

Анна Петровна. Что вы ее слушаете, все вздор болтает! Я уж и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Делайте, как я вам говорю, что ее слушать; она еще одумается двадцать раз.

Марья Андреевна. Я не стану ничего говорить; делайте, что хотите, только я не пойду за Беневоленского.

Анна Петровна. Ты не пойдешь?

Марья Андреевна. Не пойду.

Анна Петровна. А мне кажется, что это только каприз у тебя; только, чтоб матери напротив что-нибудь сделать. Тебе меня только расстроить хочется. А ты пожалей меня на старости лет; ты видишь, я и так насилу ноги таскаю. Я женщина сырая, а тут этакой удар -- последнее состояние отнимают! Вот, говорят, в сенат надо жалобу подать, а кто напишет-то... Мы, что ли, с тобой? Так мы и аза в глаза не знаем. Коли Максим Дорофеич не возьмется, так ведь мы нищие будем, понимаешь ли ты это? А что ему за радость браться за дело, коли ты от него свою физиономию-то отворачиваешь. Коли ты об себе-то не хочешь подумать, так ты хоть мать-то пожалей. Куда я денусь, на старости лет -- я женщина слабая, сырая, уж и теперь насилу ноги таскаю. В кухарки мне, что ли, итти?

Марья Андреевна. Господи! Что ж мне делать!

Анна Петровна. Матери послушайся.

Добротворский. Маменьки надо послушаться, матушка барышня.

Марья Андреевна. Нет, что хотите со мною делайте, я не могу!

Добротворский. Переломите себя как-нибудь.

Марья Андреевна. Не могу, не могу, не могу!..

Анна Петровна. Оставьте ее, Платон Маркыч! Бог с ней!.. Каково мне, Платон Маркыч, это видеть, матери-то, старухе-то! (Плачет.) Батюшки! Где платок-то! Так и есть -- потеряла в городе, еще и с деньгами... Одно к одному. А! Да гори все прахом -- ничего мне не нужно, коля уж дочь родная об моем горе и подумать не хочет. Живи, как знаешь, бог с тобой! Вот вырастила на свою голову!..

Марья Андреевна. Маменька, что вы говорите! За что вы меня терзаете!..

Анна Петровна. А ты слушайся матери! Ты думаешь, мне легко с тобой разговаривать... Иногда что и скажешь... У меня сердце слабое, женское.

Марья Андреевна. Маменька! Он мне очень не нравится. Я все для вас готова, все, что вам угодно, только не принуждайте меня замуж итти; я не хочу замуж. Я не пойду ни за кого.

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста, Платон Маркыч, она совсем сумасшедшая! Ведь ты не понимаешь, что говоришь! Ну, можно ли такую вещь сказать: не пойду замуж! Это все только фантазии. Очень интересно быть старой девкой! А мне-то что ж, в богадельню, что ль, итти! Во-первых, ты, коли любишь мать, должна выйти замуж, а во-вторых, потому что так нужно. Что такое незамужняя женщина? Ничего! Что она значит? Уж и вдовье-то дело плохо, а

девичье-то уж и совсем нехорошо! Женщина должна жить с мужем, хозяйничать, воспитывать детей, а ты что ж будешь делать-то старой девкой? Чулок вязать! Подумала ли ты об этом?

Марья Андреевна. Нет, маменька, я об этом не думала.

Анна Петровна. Ну, поди сюда, сядь подле меня! Поговорим с тобой хорошенько. Я сердиться не буду.

Марья Андреевна садится подле нее.

Выслушай ты меня хладнокровно. Я ведь знаю, у вас один разговор: по любви выйти замуж. Влюбляются-то, Машенька, только те, которым жениться нельзя, либо рано, потому что еще в курточках ходят, либо нечем жить с женой; так вот они и влюбляются.

Порядочный человек не станет вам в любви открываться да влюбления-то свои высказывать, а просто придет к матери да скажет: "Мне ваша дочка нравится", да и тебе-то тоже прямо, без разных там фарсов дурацких: "Сударыня, маменька ваша согласны, вы мне нравитесь, угодно вам меня осчастливить?" И все это честно и благородно. Вот как это бывает, Машенька. Ты вот с Беневоленским и десяти слов не сказала, а уж и слышать про него не хочешь. А будет ездить, познакомишься, может быть и увидишь, что хороший человек. Ведь вертопрахи-то ваши только мастера разговаривать, а что от них толку -- только слава дурная.

Добротворский. Это правда, сударыня.

Молчание.

Анна Петровна. Машенька, потешь ты меня на старости лет, послушайся матери.

Марья Андреевна (встает). Маменька! Я не могу теперь итти ни за Беневоленского, ни за кого. Сделайте милость -- не принуждайте меня. Я одного у вас прошу: не говорите мне про замужество, подождите немного. Ради бога, дайте мне пожить на свободе.

Анна Петровна. Эка невидаль девичье житье! Жаль расставаться!

Марья Андреевна. Пусть Беневоленский к нам ездит, я буду с ним ласкова, все что вам угодно; только пусть он подождет... Ну, месяц, один месяц. Я посмотрю на него хорошенько, узнаю его. Согласны?

Анна Петровна (целует Марью Андреевну). Ну, что с тобой делать, так и быть. Что, утешилась теперь? Вот ведь ты какая глупая!

Марья Андреевна уходит.

Что делать-то, Платон Маркыч! Скажите Максиму Дорофеичу, что я очень рада, но чтоб он месяц погодил делать предложение... Да и об деле-то попросите.

Добротворский. Очень хорошо-с.

Хорькова входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Хорькова.

Хорькова. Покорно благодарю, матушка Анна Петровна, покорно благодарю! Одолжили, нечего сказать!

Анна Петровна. Что такое? Что я вам сделала?

Хорькова. Я хоть необразованная женщина, а над собой смеяться не позволю. Вы тогда меня обнадежили. Я, разумеется, прихожу домой, говорю: "Миша, друг мой, Анна Петровна согласна; открой, говорю, друг мой, свои мысли Марье Андреевне", -- а та ему напрямки отказала! Приходит такой расстроенный. "Нет, говорит, мне, маменька, счастья в моей жизни; вы, говорит, меня обманули". -- "Я, говорю, мой друг, никогда обманщицей не была, а если нами пренебрегают, так нечего тебе, говорю, беспокоиться -- ты, с твоим образованием, всегда найдешь себе невесту не хуже Марьи Андреевны... А уж я не утерплю, пусть меня ругают, я все-таки пойду отчитаю Анне Петровне".

Анна Петровна. Что ж делать-то мне? Ее воля, я ее принуждать не могу.

Хорькова. Это, Анна Петровна, просто насмешка; я так это за насмешку и принимаю.

Анна Петровна. Да помилуйте, матушка, какая же это насмешка?

Хорькова. Насмешка, насмешка! Вам просто хотелось из меня перед сыном дуру сделать. Я хоть и необразованная женщина, а понимаю...

Анна Петровна. Что вы тут понимаете! Нечего вам тут понимать-то.

Хорькова. Ну, уж не говорите, пожалуйста... Знаем мы кой-что. У вас теперь какой-то богатый жених на примете, так вы другими-то и брезгуете. Только вы поторопитесь, Анна Петровна, я вам советую, а то чтобы разговору какого не было.

Анна Петровна. Какого разговору? Что вы, ссориться, что ли, со мной пришли, Арина Егоровна?

Хорькова. Уж там, матушка, как хотите, принимайте: я сама вами кругом обижена. Что я не знаю, про то говорить не стану, а что знаю, про то напрямки отпечатаю. Люди ложь, и мы то ж.

Анна Петровна. Язык-то без костей, говорить все можно, только слушать-то нечего.

Хорькова. Слушай не слушай, как кому угодно, а уж коли говорят, так, значит, что-нибудь есть.

Анна Петровна. Кто говорит и что говорит? Кому нужно про меня говорить что-нибудь?

Хорькова. Не про вас и речь, а про Марью Андревну; а то горда уж очень она у вас, вот теперь гордости-то поубудет. Нам-то отказали, а этот-то ваш богатый жених как бы сам не отказался, коли прослышит что-нибудь.

Анна Петровна. Да что вы, Арина Егоровна, рехнулись, должно быть! Да кто же смеет что-нибудь сказать про мою Машеньку?

Хорькова. Ах, матушка, никому рта не зажмешь; всякий волен говорить, на то язык дан.

Анна Петровна. Что ж это такое! Вот послушайте, Платон Маркыч, еще тут сплетни какие-то распустили про Машеньку! На что это похоже!

Добротворский. На всякое чиханье, сударыня, не наздравствуешься. Слушать-то не приходится.

Анна Петровна (Добротворскому). Да что же, можно сказать про мою Машеньку, скажите на милость.

Хорькова. Уж известно что! Зачем к вам Мерич каждый день ходит? Ведь соседи видят -- скрыть нельзя. И при вас и без вас бывает. Вы-то, может быть, еще и сами всего не знаете. Я

необразованная женщина, да не позволила бы этого своей дочери. Мне сын говорит, что его ни в один порядочный дом не пускают за его пошлости. Своими глазами видела, как он от вас из саду крадется, точно вор какой.

Анна Петровна. Что же это, господи! Вот что значит без мужчины-то в доме -- всякий и сочиняет, что ему в голову придет. Вот дело-то женское какое. Пожалейте вы меня, Арина Егоровна! Я женщина слабая, сырая, что вы меня расстраиваете, как вам не грех!

Хорькова. Снявши-то голову, по волосам не плачут. Сами виноваты, что допустили до этого. Теперь вот ищите-ка женихов: не всякий-то польстится. Хоть бы вы и согласны были, а уж я теперь своему Мише не позволю. Нет, покорно вас благодарю!

Анна Петровна. Да мы ни в Мише, ни в вас не нуждаемся! Эка важная партия! Невидадь какая! Вам бы только сплетничать!..

Хорькова (встает). Да уж, матушка, не взыщите; что слышала, того от других не потаю.

Анна Петровна. Где утаить! Еще своего прибавите. Вы уж обрадовались, что вам случай есть. От вас только этого и ждать можно.

Хорькова. Я сама от вас, кроме обиды да насмешки, ничего не видала. Только вот не могла вытерпеть, чтобы не выговорить вам за Мишу, а то бы и нога моя в вашем доме не была. А Мише я и думать не позволю о вашей дочери: с его умом и образованием мы и почище найдем. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же без Хорьковой.

Анна Петровна. Что ж это такое? Платон Маркыч, посудите вы сами. Опомнись-то ведь я не успела, а то бы уж я напела ей. Ведь теперь, чего доброго, раславит везде... погубит она мою голову! Вот как без мужчины-то, Платон Маркыч! И туды и сюды -- все сама, да еще и за дочерью смотри; отлучиться из дому нельзя, а я женщина сырая. Маша! Маша! Дарья! Дарья!

Входит Дарья.

Что ты, оглохла, что ли? Не докличешься тебя!.. Позови барышню, Дарья. У меня ведь не одно дело-то; сложа руки не сижу. (Уходит.)
Анна Петровна. Ох, измаялась я нынче день-то, а тут еще напасть этакая. И руки и ноги дрожат. Что ж это Маша со мной делает! Чувствую, что слабая мать. Поддержите меня, Платон Маркыч!

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Вы меня кликали, маменька?

Анна Петровна. Что ты, в гроб, что ли, хочешь меня вогнать прежде времени! Что ты еще затеяла!..

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Был здесь Мерич без меня? (Молчание.) Что ж ты молчишь?

Марья Андреевна. Был не надолго. Я ему сказала, что вас дома нет, он и ушел.

Анна Петровна. Не обманывай ты меня; что у тебя с ним за шашни? Говори!

Марья Андреевна. Да какие шашни, кто вам сказал, маменька?

Анна Петровна. Кто сказал? Все говорят. Мне теперь глаза показать никуда нельзя. Сейчас Хорькова приходила -- уж и она знает. Чтоб его у нас и духу не было, я его и пускать не велю. Слышишь, сударыня?

Марья Андреевна. Нет, маменька, этого нельзя.

Анна Петровна. Отчего это нельзя? Что с ним церемониться, что ли? Не велик барин! Прогоню, да и все тут. Тебе надо замуж итти, а с этими-то разговорами не скоро жениха сыщешь. Осрамила ты

меня совсем. Или сейчас же Максиму Дорофеичу надо слово дать, или завтра же скажу Меричу, чтоб он и глаз к нам не показывал.

Марья Андреевна. Не делайте этого, ради бога. Я вас умоляю, маменька. Как это можно!

Анна Петровна. Так ступай замуж.

Марья Андреевна. Маменька, дайте мне подумать. Я совершенно растерялась, у меня голова кругом идет. Дайте мне подумать.

Анна Петровна. Об чем тут думать! Надо сейчас что-нибудь делать, а то услышит Максим Дорофеич эти сплетни, пожалуй откажется. Что ты тогда с моей головой сделаешь? Какой тогда срам-то будет! Завтра надо сказать Максиму Дорофеичу, что мы согласны.

Марья Андреевна. Нет, маменька, это выше сил моих!

Анна Петровна. Ну, так живи, как знаешь! Мне теперь до тебя и дела нет. Я тебя растила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня ни ночи покою себе не имею, а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякого, прости господи! Я теперь слова тебе не скажу, повесничай с кем хочешь! Ты мать позабыла, ты для матери ничего не хочешь сделать; авось, добрые люди найдутся, не оставят старуху. Пойдемте, Платон Маркыч, ко мне в комнату. (Встает и идет.) Видно, уж мне, старухе, век горе мыкать.

Марья Андреевна (за ней). Маменька!..

Анна Петровна. Ты не ходи за мной! Я теперь тебя и видеть не хочу. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Марья Андреевна (садится на стул и закрывает лицо платком. Добротворский стоит против нее.) Это мученье!

Добротворский. Что, побранила вас маменька-то! Ну, ничего! Не плачьте, барышня! Помиритеесь как-нибудь.

Марья Андреевна. Ах, Платон Маркыч! Быть может, маменька и права, но она требует от меня невозможного.

Добротворский. Отчего ж, матушка барышня, невозможно? Ей-богу, возможно! Утешьте старуху. Ведь уж лучше Максима Дорофеича жениха не найти вам.

Марья Андреевна. Послушайте, Платон Маркыч -- вы человек добрый, я с вами буду говорить откровенно. Я люблю другого; он хорош, умен, образован; посудите сами, как же мне променять его на Беневоленского.

Добротворский. Да он молодой человек, барышня?

Марья Андреевна. Очень молодой...

Добротворский. Свистуны ведь они, матушка, никакой основательности нет. Не верьте вы им. Нынче любит, а завтра разлюбит. Им потеха, а бедные девушки плачут.

Марья Андреевна. Я не знаю, разлюбит он меня или нет, только я его люблю.

Добротворский. Матушка барышня, я вас еще вот какую знал: ребенок были, несмысленочек, на руках носил. Ваш папенька покойник мне благодетель, в люди меня вывел, я прежде очень маленький человек был. Как умирал покойник, -- ты, говорит, Платон, жену с дочерью не оставь! Слушаю, говорю, батюшка Андрей Петрович, служить буду, пока сил хватит. Я вас, барышня, больше родной люблю, так горько мне будет, как вертопрах какой-нибудь посмеется над вами. Плюньте вы на них! А ведь и то сказать, барышня, вы лучше нас знаете, мы люди старые, из ума выжили! Советовать не смею, рассудите сами. Вот на старости лет для вас, сударыня, за сватовство принялся. Нашел человека, кажется, хорош, а ведь бог его знает, где мне разобрать, посмотрите сами; как бы греха на душу не взять. А все мой совет -- лучше маменьки послушаться, меньше греха будет.

Марья Андреевна. Платон Маркыч, помирите меня с маменькой, она вас любит.

Добротворский. Не беспокойтесь, матушка, помирю, об этом не беспокойтесь.

Марья Андреевна. Подите скажите ей, что я через три дня ей дам ответ. Мне нужно подумать, поговорить с ним, он обещал жениться на мне.

Добротворский. Хорошо, барышня. Сейчас прикажете к маменьке сходить?

Марья Андреевна. Да, пожалуйста, сейчас. Мне всегда тяжело, когда она сердится, за дело ли, не за дело ли.

Добротворский. Как же, матушка, не тяжело -- ведь мать. Хорошо-с. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Что мне делать, я решительно не знаю! Я чувствую, что дурно делаю, что ссорюсь с маменькой, но итти за Беневоленского я не могу -- я люблю Владимира. Да если б я и решилась пожертвовать собой, я теперь не имею права. За что же я обману бедного Владимира: он так меня любит.

Дарья (входит). О! чтоб вас!.. Вечно все растеряет! (Берет платок Анны Петровны.)

Марья Андреевна. Даша, что маменька делает?

Дарья. Разговаривает с Платоном Маркычем.

Марья Андреевна. Сердита она?

Дарья. Приступу нет! (Уходит.)

Марья Андреевна. Жаль мне маменьку, ей-богу жаль! Если б я не наделала глупостей, я бы теперь с ней поговорила откровенно, что Беневоленский мне не нравится, а теперь не могу, -- теперь мне одно средство: поговорить с Владимиром, потом скажем маменьке -- и не об чем думать. Ах, дура, да об чем же я плачу? Человек говорит мне прямо, что он женится на мне, а я плачу да выдумываю разные несчастья. (Смеется, потом задумывается.) А если нет? Если нет? Что ж тогда? Впрочем, какое же я имею право так дурно думать о нем: я его еще не знаю. Да что это, господи! Что я говорю! Я помешалась совсем. Другая бы на моем месте прыгала от радости, а мне всякий вздор в голову лезет. Нет, нет, не хочу ни об чем думать! Владимир на мне женится. О, кабы мне его увидеть поскорей!

Входит Добротворский.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Добротворский. Пожалуйте к маменьке, барышня. Я ее уговорил немножко. Не бойтесь ничего, теперь браниться не станет, поговорить хочет. Пусть, говорит, она увидит, что мать ей зла не желает. Вот сейчас и поговорим все вместе, авось, барышня, как-нибудь и уладим. (Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Андреевна (одна). Вот уж третий день его нет. Что это значит? Третий день ужасных мучений! Он, должно быть, нездоров! Что, если он и нынче не придет, я, кажется, сойду с ума. Как незаметно подкралось ко мне это горе. Неделью тому назад я была весела и ни об чем не думала. Я так и жду, что придет Беневоленский и сделает предложение. Что я буду делать? Маменька так уверена во мне, так меня любит!.. Теперь ее

спокойствие зависит от меня. Неужели у меня хватит сил противиться ей.

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб!.. Вот везде одна, поспевай тут... Что это вы, барышня, какие скучные?

Марья Андреевна. С чего же мне веселой-то быть. Погадай-ка мне, Даша, на картах.

Дарья. Извольте, барышня, сейчас разложу. (Раскидывает карты.)

Марья Андреевна. Что, Даша, выходит что-нибудь? Чай, все вздор.

Дарья. Нет, матушка, не говорите этого. Вот недавно куме Аксинье гадала: все винновый туз выходит. Смотри, говорю, будет тебе горе какое-нибудь. Что ж, барышня, так и есть: шубку новенькую украли, с иголки. (Разводит руками.) При своем антиресе от треф!.. в собственном доме... исполнение желания... бубновый король марьяжный...

Марья Андреевна. Кто же это бубновый король?

Дарья. Уж, известно, Владимир Васильевич, кому ж быть!

Входит Анна Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Что это вы, никак гадаете? Погадай-ка, Дарья, и мне.

Дарья. Извольте, матушка, сейчас.

Анна Петровна. На какую, бишь, я даму-то гадаю? Не помнишь ли, Машенька?

Дарья. Я вас червонной, матушка, положу. Ах, барышня, почтальон идет. (Идет за письмом.)

Марья Андреевна. От кого это? Боже мой, как у меня сердце забилося!

Дарья возвращается с письмом.

Анна Петровна. Поищи-ка, Даша, очки. (Распечатывает письмо.)

Дарья. Вот они, матушка.

Анна Петровна (смотрит на подпись). От Беневоленского.

Марья Андреевна. От Беневоленского? Что ж он пишет?

Анна Петровна (читает). "Милостивая государыня, многоуважаемая Анна Петровна! Принимая в уважение ваше расположение и радушный прием, оказанные мне в прошедший четверг, я беру на себя смелость предложить свою руку и сердце вашей бесподобнейшей дочке Марье Андреевне, коей достоинствами и красотою я очарован. Причем честь имею присовокупить, что я слышал от Платона Маркыча о вашем деле, в котором, как знающий человек, могу быть ходатаем, конечно только в том случае, когда вы согласитесь принять мое предложение. Я человек деловой, и мне терять время понапрасну на чужие хлопоты нельзя. Состояние мое вы знаете, и я неуспешно стараюсь о приращении оного, употребляя на это все свои способности; ибо, как вам известно, состояние дает вес в обществе. Принимая в соображение все оное, а равно положение, в котором вы находитесь, я не думаю, чтобы вы отказались породниться со мной. Ожидаю вашего ответа сегодня же или, в крайнем случае, завтра, чтобы не оставаться в неизвестности. Засвидетельствуйте мое нижайшее почтение Марье Андреевне и передайте им, что я, как страстный их обожатель, с душевным трепетом ожидаю их ответа. С истинным почтением и таковою же преданностию честь имею пребыть Максим Беневоленский". Ну, что же, Машенька, надобно писать.

Марья Андреевна (в волнении). Погодите, маменька, погодите...
Анна Петровна. Чего ж годить-то? Маша! Послушай ты меня, ведь уж этаким партией нам с тобой не дожидаться. Максим Дорофеич человек деликатный, надо же ему что-нибудь написать, чтоб не сомневался по крайней мере.

Марья Андреевна. Погодите, маменька, ради бога, погодите, завтра... завтра...

Анна Петровна. Да отчего ж не теперь?

Марья Андреевна. Теперь я не могу. Я не знаю, что отвечать; я так взволнована... Мне нездоровится что-то, у меня голова болит. Я решительно не могу!..

Анна Петровна. Ну, как хочешь! Завтра так завтра. А я все-таки пойду подумаю, как написать поскладней. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Марья Андреевна. Даша, ты знаешь, где Владимир Васильич живет?

Дарья. Знаю, матушка.

Марья Андреевна. Беги к нему, Даша, голубушка, беги поскорей.

Дарья. Что вы, матушка! Ну, как маменька узнает!

Марья Андреевна. Ступай, ничего, ступай. Я как-нибудь скажу маменьке. Только, ради бога, поскорей. Скажи ему, чтоб он сейчас же пришел сюда, сию минуту.

Дарья. Ну, видно, нечего с вами делать.

Марья Андреевна. Проворней, Даша, проворней!

Дарья уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна (одна). Нет, этого не будет! Владимир спасет меня... Ну, как она его дома не застанет! Ну, а если... нет, этого не может быть, он меня любит. Ну, уж я теперь и сама не разберу, что я думаю, что я чувствую... мне только страшно чего-то. Ах, кабы она поскорей воротилась. Кто-то идет, не он ли? Нет, это Милашин.

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Скажите, Иван Иванович, не видали ли вы Владимира Васильича?

Милашин. На что он вам?

Марья Андреевна. Ах, боже мой, когда я спрашиваю, значит, что нужно.

Милашин. Кто ж его знает. Помилуйте, разве можно знать, где подобные люди бывают!

Марья Андреевна отворачивается и плачет.

Милашин. Вы думаете, я это говорю из ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мне вас жаль, и больше ничего.

Марья Андреевна. Сделайте милость, не жалейте. Да какое право вы имеете жалеть меня?

Милашин. Как вам угодно! Я из привязанности к вам, к вашей маменьке говорю это. Я опять-таки повторяю, что такого человека, как Мерич, я бы, на месте Анны Петровны, к воротам бы не подпустил. Если Анне Петровне угодно, чтоб он расславлял везде, хвастался, что вы влюблены в него, так пускай принимает.

Марья Андреевна. Вы лжете!

Милашин. Я лгу? Нет, я никогда не лгу-с. Лжет кто-нибудь другой, только не я.

Марья Андреевна. Зачем вы мне говорите про него: вы знаете, что я не поверю вам. Я его люблю, слышите ли, люблю, люблю! Не смейте при мне говорить про него дурно.

Милашин. Вы его любите? А он вас любит, вы думаете?

Марья Андреевна. Послушайте, я начинаю терять терпение! Или замолчите, или убирайтесь прочь от меня!

Милашин (садится на другой стороне комнаты; молчание). Вы меня обидели, Марья Андреевна, жестоко обидели. Я желал вам добра, я с малолетства с вами знаком, а вы меня от себя гоните. Скажите, пожалуйста, чем я это заслужил? (Молчание.) Я только, по правам дружбы, хотел предостеречь вас.

Марья Андреевна. От кого предостеречь? Не нужно мне ваших предостережений.

Милашин. Теперь уж я вижу, что не нужно -- вы так ему слепо верите, что никого слушать не хотите. Я и не стану вас разуверять, а все-таки это не мешает мне знать про него кой-какие вещи, не очень хорошие.

Марья Андреевна. Вы можете знать и можете говорить кому угодно, а все-таки вам никто не поверит.

Милашин. Что я, подлец, что ли, по-вашему? Вот чего я дождался от вас за мою привязанность!

Марья Андреевна. Что ж вы узнали? Говорите.

Милашин. Много узнал, всего не перескажешь.

Марья Андреевна. И есть у вас доказательства?

Милашин. Какие же доказательства? Его поведение и без доказательств ясно.

Марья Андреевна. Ну, а если у вас нет доказательств, так я вам говорю: не верю, не верю, не верю! 7 Милашин. Может быть, когда-нибудь я и докажу вам мои слова на самом деле, только не будет ли поздно.

Марья Андреевна. Это уж не ваше дело. Когда будете иметь доказательства, тогда и говорите, а до тех пор молчите. (Молчание.) Что ж это так долго? (Смотрит в окно. Молчание.) Наконец-то!

Милашин. Что такое?

Марья Андреевна. Владимир Васильич. Ну, уж достанется ему от меня.

Мерич входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Мерич.

Марья Андреевна. Что это вы пропали? Как вам не совестно!

Мерич (целует руку). Виноват, Марья Андреевна, виноват! И оправдываться не стану. Здравствуйте, Иван Иванович.

Марья Андреевна. Мне нужно рассказать вам? кой-какие новости, не совсем приятные.

Мерич. Неприятные! Это дурно. Вы меня пугаете.

Марья Андреевна. Да, для меня -- очень неприятные.

Мерич. А если для вас они неприятны, так уж и для меня также.

Милашин. Отчего же это так? Позвольте вас спросить.

Мерич. По очень простой причине, Иван Иванович: я принимаю очень близко к сердцу все, что касается до Марьи Андреевны. Теперь вы поняли?

Марья Андреевна. Да, Иван Иванович, это дело касается нас обоих.

Милашин. В таком случае, извините.

Мерич. Что это вы похудели, побледнели, Марья Андреевна?

Марья Андреевна. Я вам говорю, что у меня есть много неприятного; да уж и того довольно: я три дни вас не видала. Чего я не передумала в это время!..

Мерич. Если я был хоть сколько-нибудь причиной вашего горя, то я считаю себя так виноватым, что не смею и оправдываться. Сердце у вас доброе. А я постараюсь загладить свой проступок. Дайте ручку, в знак перемирия. (Целует у Марьи Андреевны руку.)

Марья Андреевна. Да, уж, конечно, виноваты. Как это не заглянуть почти неделю! Бог с вами! Я уж к вам посылала Дарью.

Мерич. Она, вероятно, меня не застала дома; мы с ней разошлись.

Милашин (в сторону). Это невыносимо!

Мерич. Зачем же вы присылали Дарью ко мне?

Марья Андреевна. За вами. Мне очень нужно с вами переговорить об одном весьма важном деле.

Милашин. Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Куда вы?

Милашин. За доказательствами.

Марья Андреевна. Желаю вам успеха.

Милашин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна. Владимир, Владимир! Что ты со мной делаешь!
Я жду тебя не дождусь!

Мерич. Что такое, что такое! Об чем ты плачешь?,

Марья Андреевна. Владимир, у нас страшное горе: мы проиграли
дело... у нас отнимают все.

Мерич. Ах, боже мой!

Марья Андреевна. Что теперь делать? Маменька говорит, что нам
будет жить нечем. Единственное средство мне -- пожертвовать
собой, выйти за Беневоленского. Я не могу опомниться, нынче я
должна дать ответ.

Мерич. Как это скверно!

Марья Андреевна (обнимает его), Владимир, спаси меня!

Мерич (освобождаясь). погоди, погоди. Поговорим хладнокровно.

Марья Андреевна. Как же я могу говорить об этом хладнокровно!

Владимир, что мне делать!.. Жизнь и смерть моя от этого зависят.
(Обнимает его.)

Мерич. Как ты, Мери, неосторожна! Ну, как кто увидит, что
скажут?

Марья Андреевна. Мне теперь уж все равно, что бы ни говорили.

Мерич. А я-то чем же виноват! Ведь все на меня падет; скажут, что
я тут бог знает что. Ты знаешь, у меня и без того какая репутация.

Марья Андреевна. Ты боишься? Ты, кажется, прежде не боялся.

Мерич. Ты не понимаешь, теперь совсем другое дело; тогда не было твоей маменьки.

Марья Андреевна. Что же мне делать! Я, ей-богу, не знаю.

Мерич. Ах, как это нехорошо, я совсем этого не ожидал.

Марья Андреевна. Владимир! Пока я не видала тебя, я бы пошла за кого угодно маменьке. Я полюбила тебя; ты мне говорил, что меня любишь, -- как же мне теперь расстаться с тобой?

Мерич. Скажи же мне, Мери, сделай милость, чего тебе от меня хочется?

Марья Андреевна. Владимир, опомнись, что ты говоришь! В какое ты меня ставишь положение! Мне стыдно за себя. Я тебе, как другу, рассказываю свое горе, а ты спрашиваешь, чего мне хочется! Что же мне сказать тебе: женись на мне? Пощади меня!

Мерич. Ах, Мери! Мери! Ты не знаешь, в каких я теперь странных обстоятельствах. (Ходит по комнате.) Я решительно теперь ничего не могу придумать... решительно ничего.

Марья Андреевна. Ничего?

Мерич. Ничего.

Марья Андреевна. О, боже мой! (Закрывает лицо руками.)

Мерич. То-то вот все еще неопытность! Мне надобно было бежать от тебя. Зачем я тебя встретил! О, судьба, судьба! Мне легче бы было совсем не видеть тебя, нежели смотреть, как ты страдаешь. Впрочем, я не думал, что ты так привяжешься ко мне.

Марья Андреевна. Что же ты думал?

Мерич. Я думал, что из наших отношений не выйдет ничего серьезного.

Марья Андреевна. Ты хотел позабавиться от скуки, для развлечения, не правда ли? Не ты ли сам говорил, что играть любовью тебе надоело.

Мерич. Да разве я не люблю тебя? Разве я не страдаю теперь? О, кабы ты могла заглянуть в мою душу! Но как же быть? Надобно покориться своей участи; надобно быть тверже, Мери!

Марья Андреевна. Я была тверда, пока ты не обманул меня так жестоко. И тебе не жаль меня? Скажи, ради бога!

Мерич. Мне очень жаль тебя, Мери, и тем больше жаль, что я не могу никак помочь тебе. Жениться я не могу на тебе, да и отец мой не позволит. Конечно, я бы не посмотрел на него, а обстоятельства, обстоятельства, которые гнетут меня всю жизнь...

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Скажи ты мне, для чего ты меня обманывал, зачем клялся, когда я от тебя этого не требовала?

Мерич. Я люблю тебя, Мери! Я увлекся, я не сообразил. Я человек очень страстный.

Марья Андреевна. Ты любил? Никогда ты не любил меня. Я одна любила. Теперь мне поведение твое стало ясно. Хоть уж и поздно, а я узнала тебя. Господи, боже мой! И ты смеешь называть это любовью! Хороша любовь! -- не только без самопожертвования, даже без увлечения! На нас весь суд, нам не прощают ничего... Я к тебе бросаюсь на шею, а ты оглядываешься, не увидал бы кто. Ты вспомни хорошенько: бывало, ждешь тебя не дожدهшься; все глаза проглядишь, а ты придешь, как ни в чем не бывало, только разве обдумаешь дома, что говорить, да как бы сделать шаг вперед.

Мерич. Ты меня обижаешь. Что ж, ты можешь говорить, что хочешь -- ты в праве.

Марья Андреевна. Не говори, ради бога! Вспомни о совести хоть теперь-то. Теперь уж тебе нет никакой нужды лгать. Теперь тебе остается только хвастаться своими успехами.

Мерич. Послушай, однако за кого ж ты меня считаешь?

Марья Андреевна. За кого нужно.

Мерич. Я, наконец, не могу переносить этого. (Берет шляпу.)

Марья Андреевна. Ты уходишь? Прощай!

Мерич. Не могу же я слушать этого! Ну, я виноват, я признаюсь, да все не так же, как ты говоришь. Все-таки я честный человек. Ведь обстоятельства, Мери, много значат... Где же вам это все знать -- вы женщины.

Марья Андреевна. Верю, верю.

Мерич. Нет, право. Ты не сердись на меня. Я не мог и не могу иначе поступить при всей любви к тебе. Ты что хочешь говори, а я все-таки буду утверждать, что люблю тебя. Ты этому не веришь! Ты ошибаешься и обижаешь меня. Могу ли я не любить тебя, такое прекрасное, невинное создание!

Марья Андреевна. Перестань, ради бога!

Мерич. При других обстоятельствах я бы отдал все на свете за счастье обладать тобой.

Марья Андреевна. Перестань же наконец.

Мерич. Но мне не суждено; что ж делать! Нам нужно расстаться.

Марья Андреевна. Прощайте, прощайте!

Мерим целует руку, уходит медленно, потом возвращается.

Мерич. Нет, я решительно не могу уйти без того, чтоб еще раз не взглянуть на тебя. (Стоит, сложив руки на груди.) Ты на меня не сердись?

Марья Андреевна. Не сержусь.
Мерич. Вот и прекрасно. Прощай, Мери, прощай! Желаю тебе всякого счастья. (Отходит немного.) Обо мне забудь! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Марья Андреевна (одна). И я поверила этому человеку! Как мне стыдно за себя... Он ушел, и ему ничего! Он даже рад, я думаю, что развязался... А я, я? За что же я страдаю, чем я виновата! О, господи! зачем в людях так мало правды! Могла ли я знать, что он меня обманывает! Как мне было знать! Почем мне было знать!.. За что он меня обманул! (Плачет.)

Входит Милашин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Милашин. Вот доказательства, Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Теперь уж не нужно.

Милашин. Значит, правду я говорил. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. (Читает). "Простите моей дерзости, но я не могу более скрывать страсти, которая меня сожигает". -- Скажите, какие нежности!

Марья Андреевна. Что вы там еще читаете?

Милашин. Вот, извольте посмотреть. (Подает ей записки. Марья Андреевна читает про себя.) Вы давеча говорили, что я лгу; я это помню, Марья Андреевна.

Марья Андреевна (рвет записки и бросает их за окно). Только этого не доставало! Это ужасно!

Милашин. Вот у меня еще есть. Не хотите ли?

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Да на что мне они? Оставьте меня, ради бога. Вы видите, в каком я положении. (После непродолжительного молчания.) Я сейчас видела Владимира Васильича.

Милашин. Что же он?

Марья Андреевна (плачет). Ему нет никакого дела до меня. Он говорит, что нужно покориться своей участи.

Милашин. Мерзавец! Марья Андреевна, перестаньте, не плачьте! Я готов жизнью пожертвовать для вас. Скажите, Марья Андреевна, чем я могу быть для вас полезен -- я на все готов.

Марья Андреевна. Вы ничего не можете для меня сделать. Дайте мне немного успокоиться. Мое самолюбие оскорблено, мне стыдно за себя. Я не о том плачу, что мне нужно пожертвовать собой -- я уж примирилась с этой мыслью, -- а об том, что я была игрушкой пустого человека. Чем вы мне можете помочь?

Милашин. Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете, не вызову? Непременно вызову.

Марья Андреевна. Что вы выдумываете! Зачем вы это сделаете, как, по какому праву?

Милашин. Да, в самом деле, неловко! Я так только спросил у вас, а то, как вам угодно. Мне жизнь не дорога... Я не могу видеть, как вы страдаете! Неужели я решительно ничем не могу вам помочь?

Марья Андреевна. Одним только: оставьте меня в покое.

Милашин. Вы меня гоните! Вы вот как со мной поступаете! Ну, так я вам докажу, что я не заслуживаю этого. Я, Марья Андреевна, не Мерич! Я очень хорошо понимаю ваше положение! Выйти за Беневоленского! Какому-нибудь скоту придет фантазия за вас свататься, а вы должны идти за него! Нет, это невыносимо! Это ужасно досадно! Знаете ли что, Марья Андреевна? Я человек бедный, я, может быть, сам не знаю, чем содержать себя одного, не только с женой, но я не сделал бы так, как Мерич, не уступил бы вас на жертву Беневоленскому. Марья Андреевна! Я предлагаю вам свою руку, мне хочется доказать вам, что я благородный человек.

Марья Андреевна. Ах, Иван Иваныч, не хотелось бы мне вас обидеть, да нечего делать. Не нуждаюсь я ни в вашей помощи, ни в вашем благородстве; не пойду я за вас ни за что на свете.

Милашин. Да, конечно, я не Беневоленский; он завидный жених.

Марья Андреевна. Беневоленский человек с состоянием, да и маменька хочет, чтоб я за него вышла; вот почему я предпочту Беневоленского.

Милашин. Не угодно? Как вам угодно! Мне только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича. Я делаю вам честное предложение, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда он ухаживал за вами.

Марья Андреевна. Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже не имеете уважения ко мне. Нет, надобно это покончить одним разом. Будет плакать. (Утирает глаза.) Если б теперь Мерич сделал предложение, я б не пошла за него. Я выхожу за Беневоленского -- это решено. Незаметно, что я плакала? Мне хочется показать маменьке, что я без всякого усилия решилась выйти замуж. Пусть она будет весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы. Посмотрите, в самом деле, незаметно слез?

Милашин. Почти незаметно.

Марья Андреевна. Ну, и слава богу! Станемте смеяться, станемте разговаривать о чем-нибудь о постороннем. Не были ли вы в театрах как-нибудь на-днях?

Милашин. Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Ведь я знаю, что у вас на душе.

Марья Андреевна (топает ногой). Я совсем вас не обманываю; мне, право, что-то вдруг весело сделалось. Давайте играть во что-нибудь. Ах, вот карты! Давайте играть в карты.

Милашин. Давайте, пожалуй, если вам угодно. (Садится к столу.)

Марья Андреевна. Во что же? В дураки давайте.

Милашин (сдает). Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андреевна, вы притворяетесь. Вы не хотите, чтоб я видел ваши слезы. Зачем же вы от меня-то скрываетесь: я вам не чужой. Это досадно!

Марья Андреевна. Играйте, играйте, а то останетесь.

Милашин. Вы так горды, что не хотите мне позволить принимать в вас участие. Ведь это заметно, что вы притворяетесь.

Марья Андреевна. Что, остались! (Смеется.)

Милашин. Ну, что ж, остался. (Мешает карты, сдает.) Ведь это ужасно досадно! Это гордость! Вы меня этим унижаете, не считаете ни за что!..

Марья Андреевна. Вы принимаете! Еще принимаете. Ну, так вы опять остались! (Хохочет.)

Милашин. Ведь это невыносимо просто.

Марья Андреевна. Сдавайте, сдавайте. Что же вы!

Милашин сдает.

(Марья Андреевна задумывается, закрывает глаза платком и опирается на стол, потом утирает глаза и берет, карты.) Кому ходить, мне?

Анна Петровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Что это у вас за смех?

Марья Андреевна. Да вот Иван Иванович все остается. Вы совсем не умеете играть. Когда же мы, маменька, напишем ответ Максиму Дорофеичу? (Продолжает играть в карты.) Поблагодарите его за предложение и напишите, что я согласна.

Анна Петровна. Ты, Маша, согласна? Ну, спасибо тебе, утешила ты меня. Вот теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня... Уж так обрадовала, что и сказать нельзя... Вот, Иван Иванович, у меня дочка... И красавица и умница. Где тут бумага была? Вот теперь вдруг-то и не придумаешь, что написать. (Берет бумагу и пишет.)

Марья Андреевна и Милашин играют в карты.

Марья Андреевна (Милашину). Хоть бы поскорее это кончилось, моих сил больше не хватает. (Встает.) Дайте, я вам помогу. Что вы пишете?

Анна Петровна. А вот: "Милостивый государь, Максим Дорофеич! Благодарю вас за лестное для нас предложение. Машенька согласна и просит вас сегодня на чашку чаю". Хорошо ли так-то? Уж я не знаю. А? Аль другое написать?

Марья Андреевна. Нет, прекрасно, прекрасно! Вот и отошлите поскорей.

Анна Петровна. Нет, в самом деле, хорошо? Иван Иванович, хорошо?

Милашин. Очень хорошо.

Анна Петровна. А не надо ли чего прибавить?

Марья Андреевна. Нет, не надо, ничего не надо... довольно и этого. Пошлите поскорей. Дарья, Дарья!

Входит Дарья.

Пошли поскорей кого-нибудь с этим письмом к Максиму Дорофеичу. Ступай, Дарья, поскорей. Я не выдержу больше... Иван Иванович, мне дурно!

Милашин подбегает, подает ей стул, Марья Андреевна сидит несколько времени в изнеможении, потом заливается слезами.

Анна Петровна. Машенька! Машенька! Что ты? Что с тобой?

Милашин (в сторону). Что же это такое!

Марья Андреевна. Ничего, это пройдет. Мне дурно что-то. Не беспокойтесь.

Анна Петровна. Поцелуй меня, Машенька! Умница ты моя...

Марья Андреевна. Что, маменька, хороший он человек?

Анна Петровна. Хороший! Уж я не отдам тебя за дурного.

Марья Андреевна (в слезах). Он меня станет любить? Если он меня будет любить, и я его буду любить.

Анна Петровна. Да о чем же ты плачешь-то, глупенькая?

Милашин. Неужели это вас удивляет, что Марья Андреевна плачет? Это странно!

Анна Петровна. А что ж тут, батюшка, странного? Она сама объявила желание выйти за Беневоленского, а теперь плачет. Чем же не партия?

Милашин. А что ж особенно завидного в Беневоленском?

Анна Петровна. А то, что ты молод еще судить-то постарше себя. Он солидный человек, с небольшим в тридцать лет уж состояние имеет, делом занимается, а у вас все гулимоны да пошлости на уме.

Милашин. Состояние! А где взял он это состояние, спросить надобно. У нас совесть есть, оттого и состояния нет. Состояние нажить немудрено.

Анна Петровна. Да, поди вот, наживи, да тогда уж и разговаривай!

Милашин. Я и теперь могу рассуждать, кто честный человек, а кто нет. Счастье не в богатстве, а в душевном спокойствии. Соединить свою судьбу с таким человеком, которого, того и гляди, отдадут под суд...

Анна Петровна. Да, очень нужны мне все эти резоны! Я, батюшка, мать! Так, зря, дела не сделаю. Еще молод очень учить-то меня! Наживи-ка своих детей, да тогда и выдавай, как знаешь. Учить-то всякий умеет, а попробуй-ка за дело-то взяться, так и нет ничего. Все одни фантазии дурацкие. Вот тут с вами табатерку потеряла. О! чтоб вас! Дарья! Дарья!

Дарья (входит). Что угодно?

Анна Петровна. Что глаза-то вытаращила! Сыщи табатерку!

Дарья уходит.

Милашин. Меня вы можете бранить, сколько вам угодно, а за что же должна гибнуть Марья Андревна?

Анна Петровна. Поди ты, я тебя и слушать-то не хочу. А она должна понимать, кажется, что такое мать для нее. Чего мне стоило ее вырастить-то. Надо мне видеть от нее какое-нибудь утешение. Полно плакать-то!

Марья Андреевна. Разве я вам, маменька, не угождала? Разве вы были недовольны мной когда-нибудь?

Анна Петровна. Что там про старое толковать, я того и знать не хочу. Легко ли дело, нужно мне очень помнить, когда ты мне угодила, когда нет. Вот теперь я вижу твою благодарность. Мать на старости лет ни дня, ни ночи покою не знает, женское дело, измаялась вся. Нашла ей жениха, что она и сама-то его не стоит, а она плачет да убивается, как будто я ей злодейка какая!

Марья Андреевна. Да ведь я, маменька, согласна.

Анна Петровна. Вижу я, как ты согласна-то.

Входит Дарья.

Что ты еще?

Дарья. Табатерку извольте.

Анна Петровна. Ишь тебя принесло, нашла время!

Дарья (идет). Ну, раскудахталась,

Анна Петровна. Другая бы радовалась да не знала, как благодарить мать-то за такого жениха, а не то чтоб расстраивать. Мое дело женское, я женщина сырая, а тебе все ничего. Ты об матери-то и не думаешь, как бы мать порадовать.

Марья Андреевна. Маменька! Ради бога! Что вы говорите!

(Плачет.) Боже мой, что это такое!

Анна Петровна (помолчавши и успокоившись). Что ж, конечно, я на тебя не могу пожаловаться, ты меня всегда слушалась... Да что ж теперь-то ты, Машенька! Ну, полно, перестань! Мне ведь и самой тебя жаль. Я тебя обидела... Что ж делать, прости. Я ведь женщина, у меня сердце слабое, горячее, раскипитя другой раз, и не уймешь; сами виноваты, что до этого доводите! Иногда что и скажется сгоряча... Обижаться-то на меня за это грех, дело женское.

Марья Андреевна. Я на вас не обижаюсь...

Анна Петровна. Что ж делать, хороша ли, худа ли, все-таки мать. Выдешь замуж, и такой не будет. Ну, полно же, друг мой. Мне разве весело смотреть на тебя, как ты плачешь. Бог с тобой, что ты это!

Все лица на левой стороне; входит Хорьков и останавливается среди сцены.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Хорьков.

Хорьков. Марья Андреевна! Моя мать вас обидела; я пришел просить прощения за нее.

Анна Петровна. Да, батюшка, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

Марья Андреевна (тихо). Маменька, он, кажется, пьян; молчите, пожалуйста.

Милашин (Марье Андреевне). Он уж четвертый день пьет; как ушел тогда от вас, и запил. Ходит по комнате, плачет и пьет.

Марья Андреевна. Неужели? Ах, бедный!

Хорьков. Что такое? Слезы! Об чем вы плачете? Я не хотел вас обидеть... Я бы умер для вас, Марья Андреевна. Это мать... Она простая женщина. Я не знал, что она была у вас, не знал... Я б ее не пустил к вам... Она простая женщина, не понимает ничего... Где же ей вас понять! Что же делать! Мать... любит... воспитала... Марья Андреевна, простите! (Становится на колени.)

Марья Андреевна. Что вы, что вы, Мнхайло Иваныч! Встаньте! Я ни на вас, ни на вашу маменьку не сержусь; напротив, я вам очень благодарна за ваше расположение.

Хорьков (встает). Об чем же вы плачете? Скажите мне, об чем вы плачете? Кто вас обидел?

Анна Петровна. Ах, молодой человек, молодой человек...

Хорьков. Что вы, Анна Петровна!.. Ах, вы не знаете!.. Уж молчите лучше! (К Марье Андреевне.) Вас, вероятно, маменька обидела? Не сердитесь на нее... Бог с ними... они не знают... не сердитесь на нее... ведь любят... воспитывали... учили...

Анна Петровна. Пойдем, Машенька, пора одеваться, скоро Максим Дорофеич придет. (Милашину тихо.) Уведите его, Иван Иваныч.

Милашин (берет шляпу). Пойдемте, Михаилу Иваныч.

Хорьков. Что? Мальчишка!

Милашин. Что же вы бранитесь! Я вас хочу увести отсюда, потому что вы пьяны.

Хорьков стоит задумавшись.

Марья Андреевна (встает). Перестаньте, Иван Иваныч!

Милашин. Что же он бранится! Это досадно.

Хорьков. Да, скверно, скверно! Извините... Куда я годен! Пьяный... в чужом доме...

Марья Андреевна. Ах, как мне его жаль! Как мне его жаль!

Хорьков. Марья Андреевна, не презирайте меня! Я люблю вас... Я не мог перенести вашего отказа. Конечно, это гадко... подло... недостойно... Но что ж делать, я жалкий человек! Я ведь люблю вас, очень люблю!..

Марья Андреевна. Я сама вас люблю, Михайло Иванович. Я очень жалею, что поздно вас узнала. Я выхожу замуж... за Беневоленского. (Плачет.)

Хорьков. За Беневоленского!.. Это жертва... да, жертва. Что ж, благородно... благородно... слезы...

Марья Андреевна (садится на стул). Ах, Михайло Иванович, мне тяжело, очень тяжело!

Анна Петровна. Она это для матери делает. Максим Дорофеич -- человек хороший и с состоянием.

Хорьков. Да, с состоянием. Слезы, слезы... вечные слезы... чахотка, не живши, не видавши радостей жизни... Прощайте. (Становится на колени, берет руку Марьи Андреевны и целует.) Я сам не переживу!

Марья Андреевна в обмороке, все суетятся около нее; Хорьков плачет, прислонившись к стене.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена представляет небольшую комнату. Направо от зрителей дверь в залу; ближе к зрителям трюмо; прямо -- дверь в переднюю, налево диван, перед диваном круглый стол, далее еще дверь, в углу простой стол, на котором чашки и бутылки. Дарья устанавливает бутылки на столе, официант устанавливает чашки на поднос, потом берет поднос и идет к двери. Входит Добротворский.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дарья, официант и Добротворский.

Добротворский. Ты что это, любезный, несешь?

Официант. Чай-с.

Добротворский. А рому-то что ж не захватил?

Официант. Сперва так обнесем-с.

Добротворский. Эх, братец! Не знаешь ты, кого чем потчевать.

Ишь, все деловые люди собрались, со светлыми пуговицами сидят.

Официант. Дарья Семеновна, пожалуйста рому-с.

Дарья. Что там еще! О! Чтоб вас! Рому, что ль?

Официант. Рому требуют-с. (Берет бутылку и ставит на поднос.)

Добротворский. Дай уж и мне, я тут к сторонке сяду, на просторе пуншику попью. (Берет чашку и садится на диван.)

Официант уходит в дверь направо. Входит женщина в капоте и в платке.

Женщина в капоте. Танцы будут, матушка? Барышня прислала спросить. У нас, матушка, семь барышень. Беспременно, говорит, узнай: коли танцы будут, так и мы придем посмотреть.

Дарья. Будут, будут. О! Чтоб вас тут!

Женщина уходит. Входят несколько лиц и проходят к двери направо; в дверях показывается кучер.

Дарья. Ты зачем?

Кучер. Свадьбу смотреть.

Дарья. О! мужлан, туда же лезет!

Кучер. А ты что за барыня!

Дарья. Да ты не хайли! Что горло-то распустил?

Кучер. А вы потише, а то неравно испугаюсь.

Дарья. Говорят, пошел вон!

Кучер. Пойду. (Уходит.)

Дарья. О! чтоб вас, так бы, кажется!.. (Уходит.)

Входят разные лица и смотрят в дверь направо. Между ними две женщины, довольно хорошо одетые, девушка, покрытая платочком, и двое молодых людей в синих чуйках.

Первый молодой человек (девушке, покрытой платком). Позвольте узнать, который жених-с?

Девушка. Вот этот.

Первый молодой человек. Так-с. А где невеста-с?

Девушка. Вот она.

Первый молодой человек. Так-с. А вы далеко живете-с?

Девушка. Не доходя -- прошедши.

Первый молодой человек. Я сам оттедова недалечко-с. Позвольте вас проводить.

Девушка. И без вас дорогу знаем.

Второй молодой человек (первому молодому человеку). Что!

Налетел с ковшом на брагу! (Девушке.) Что вы его слушаете, он у нас уж известный по этим делам. (К первому.) Что ты пристаешь, в самом деле! Тут, брат, тебе нечего взять. Ишь, разлетелся!

(Девушке.) Он наемни из городу одну в Рогожскую провожал, а там его метлой дворник и пугнул; так взад-вперед даром пешком и проходил.

Первый молодой человек. Буде врать-то, любезный!

Второй молодой человек. Что врать-то! Не с твоим, брат, рылом! Ты видишь, барышня какая! Что вы, сударыня, здешние?

Продолжают говорить шопотом. Из толпы выходят на авансцену две женщины -- Дуня и Паша.

Паша. Будто тебе его, Дуня, не жаль?

Дуня. Ничего-таки не жаль. Что я жила -- маялась! Приедет, бывало, пьяный да олаберный -- так как обеснующий какой. Я уж давно ему говорю: развяжи ты мою голову; хоть бы ты женился; авось, остепенишься немножко. Взял бы, говорю, хорошенькую барышню, так и сам бы, может быть, стал порядочным человеком, а то что так-то мотаешься!

Паша. Что ты говоришь!

Дуня. Да право, так, Паша.

Паша. Так это другое дело. Пойдем посмотрим приданое.
Дуня. Пойдем, Паша.

Уходят в дверь налево. Толпа мало-помалу расходится, остаются несколько старух. Добротворский пьет пунш. Входят Марья Андреевна и Беневоленский.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Добротворский, Беневоленский и Марья Андреевна.

Беневоленский. Вы, сударыня, только извольте приказывать, а уж я буду все исполнять в точности.

Марья Андреевна. Вы меня станете слушаться во всем, Максим Дорофеич?

Беневоленский. Честное слово благородного человека.

Марья Андреевна. Я вам откровенно скажу: мне в вашем характере кой-что не нравится; мне бы хотелось, чтобы вы оставили некоторые привычки. С тем и иду за вас. Вы меня послушаетесь?

Беневоленский. Все, что вам угодно. Из любви к вам я на все готов. Вам не угодно было, чтоб я водку пил, -- я ее бросил; вы мне не приказывали табак нюхать -- я и не нюхаю. А, Платон Маркыч, ты здесь! Приходи ко мне как-нибудь, я тебе подарю серебряную табакерку.

Добротворский. Покорно благодарю, Максим Дорофеич, зайду как-нибудь.

Беневоленский. Я ваш покорнейший слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцеловать. Вам, может быть, угодно здесь одним остаться?

Марья Андреевна. Да, мне нужно поговорить с Платоном Маркычем.

Беневоленский. Ухожу-с. Видите, как я послушен. (Подходит к Платону Марковичу.) Что, ловко я себя держу?

Добротворский (одобрительно кивая головой). Хорошо.

Беневоленский уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Марья Андреевна. Глупа я, Платон Маркыч, скажите мне. Так ведь, не правда ли?

Добротворский. Что вы! Кто смеет сказать! Нет, вы у нас умница.

Марья Андреевна. Послушайте, Платон Маркыч, что мне в голову пришло. Может быть, вам это смешно покажется. Я думала, думала... да знаете ли, до чего додумалась?

Добротворский смотрит на нее.

Только вы не смейтесь надо мной... Мне показалось, что я затем иду за него замуж, чтобы исправить его, сделать из него порядочного человека. Глупо ведь это, Платон Маркыч? Ведь это пустяки, нельзя этого сделать, а? Платон Маркыч, не так ли? Все это детские мечты?

Добротворский. Звери лютые, и те укрощаются...

Марья Андреевна. Без этой мысли, Платон Маркыч, мне было бы очень тяжело. Только этим я теперь и живу. Поддерживайте меня, Платон Маркыч,

Добротворский. Знаете ли, барышня, я вам русскую пословицу скажу: что будет, то будет, а что будет, то бог даст. А другая еще пословица говорится: суженого конем не объедешь.

Марья Андреевна садится на стул к трюмо и задумывается; входит Дарья и выгоняет со сцены зрителей, которые проходят в заднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас! Куда зашли! Коли хотите смотреть, так стойте в передней. Да чего и смотреть-то! Эка невидаль какая!

Марья Андреевна. Поправь мне прическу.

Добротворский уходит.

Дарья (поправляет прическу). Барышня, Владимир Васильевич здесь в саду.

Марья Андреевна. Ну так что ж?

Дарья. Они просят позволения войти, хотят поговорить с вами.

Марья Андреевна. Это что еще? Затвори эту дверь. Позови его.

Дарья уходит.

Зачем он? Послушаем, что он скажет. Странно, как скоро я его разлюбила. Мне теперь он представляется совершенно посторонним человеком. Я его жду без всякого волнения. А прежде?

Мерич входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна (не оборачиваясь к нему). Зачем вы?

Мерич. Поглядеть на вас последний раз. Неужели вы мне в этом откажете!

Марья Андреевна (поворачиваясь к нему). Хороша я?

Мерич. Обворожительна.

Марья Андреевна. Прощайте, мне пора к жениху.

Мерич. Ах, погодите, Марья Андреевна, ради бога. Выслушайте меня. Позвольте мне хоть полюбоваться на вас еще несколько минут.

Марья Андреевна. Я слушаю. Что вам угодно?

Мерич. Не сердитесь на меня, Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Я на вас не сержусь.

Мерич. Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы, кажется, меня не так поняли. Мне хочется перед вами оправдаться.

Марья Андреевна. В чем вам оправдываться? Я во всем виню себя. Я думала, что вы человек, способный любить, и ошиблась. Я искала любви, вы -- интриги, побед. Мы с вами не пара.

Мерич. Вас я любил истинно, Марья Андреевна...

Марья Андреевна. Это неправда, Владимир Васильич. (Подумав.) Скажите, пожалуйста, кого вы обманываете? Чем вы берете? Все ваши победы, вероятно, то же, что было со мной. Девушка сама бросается к вам, а вы потом хвастаетесь победой. Не так ли? Я бы вас сама разлюбила скоро, как бы далеко ни зашла наша любовь. Немного больше страданий, раскаяния, стыда, а все-таки разлюбила бы вас. Мне нужно было, чтоб меня любили! Только этого я хотела.

Мерич. Бесценная женщина!

Марья Андреевна. Вы прежде не хотели меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Как бы я была счастлива, если б я родилась полегкомысленнее. Меня бы занимали наряды, маленькие интрижки, и все бы было так легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу замуж и хочу быть хорошей женой.

Мерич. Боже мой, как я ошибался! Я не знал вас, Марья Андреевна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведения...

Марья Андреевна. Не знаю, от души вы сознаетесь или нет, но я вам верю, не хочу вас обижать. За себя я на вас не сержусь; я бы желала только, чтобы это послужило вам уроком. Расстанемся друзьями. (Протягивает ему руку.)

Мерич (целует ее руку). Мери, я люблю тебя!

Марья Андреевна. Поздно, Владимир Васильич, поздно... Передо мной новый путь, и я его наперед знаю. У меня еще много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник, но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец -- дети, я буду жить для детей. Вы улыбаетесь! Как это честно с вашей стороны! Даже если бы все, что я вам говорю, были мечты одни, которым никогда не осуществиться, вы все-таки не должны разочаровывать меня. Мне они нужны, чтобы поддержать меня в моем теперешнем положении... Ах, Владимир Васильич, бог с вами... Ведь мне тяжело... Мне очень тяжело, и никто не хочет знать этого.

Мерич. Я вам желаю всякого счастья. Но мне кажется, что с таким человеком оно для вас невозможно.

Марья Андреевна. Нет, Владимир Васильич, вам не видать моих страданий. Я не доставлю вам удовольствия пожалеть меня. Какие бы ни были обстоятельства, я хочу быть счастливой, хочу, чего бы мне это ни стоило. За что же мне страдать? Рассудите сами, -- ну, рассудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я, наконец, исполняю долг и спасаю мать... Нет, нет, нет!.. Я буду счастлива, буду любима... Не правда ли? Скажите... да, да... Говорите же! Мне так нужно, не противоречьте мне...

Мерич (подумав). Да!

Марья Андреевна. Покорно вас благодарю. Прощайте. (Уходит.)

Мерич (один). Какая умная девушка! Желал бы я знать, что она обо мне думает. Неужели она меня считает пустым человеком?.. А впрочем, еще слава богу, что так кончилось: будь она поглупее, так не знал бы, как и развязаться; одним упрекам не было бы конца, а еще, пожалуй, женили бы.

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мерич и Милашин.

Милашин. И вы здесь!

Мерич. Да, приходил проститься с Мери. Я ее любил, Иван Иванович. Я от вас не скрою: для меня очень чувствительно потерять такую женщину. Ах, как она меня любила! И вы посмотрите на нее теперь: сколько у ней воли, как она твердо переносит свои страдания! Только я знаю, как она страдает. Я не говорю про себя -- я мужчина. Вы здесь на вечере?

Милашин. Да.

Мерич. Сделайте милость, если заметите, что она будет очень грустить, утешайте ее, вы меня этим много обяжете. И, пожалуйста, старайтесь сделать так, чтобы ничто ей не напоминало меня. Я на вас надеюсь, Иван Иванович. Прощайте... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Милашин (один). Однако это ужасно! В целый вечер она не сказала со мной ни одного слова, а приходила сюда прощаться с Меричем. Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы один взгляд! Это ужасно досадно. Или лицо у меня не так выразительно, что ли? Мне хотелось бы, чтобы лицо мое выражало теперь самую глубокую скорбь. (Смотрит в зеркало.) Фу, какое глупое выражение... смешное даже! Нет, пусть же она заметит злую иронию в моих глазах. (Смотрит в зеркало.) А если она не захочет заметить... Ах, да из чего же я хлопочу?.. Уйти? Она, пожалуй, не заметит моего отсутствия. А, черт возьми!.. Нет, останусь. Буду хладнокровным зрителем, буду смотреть холодно. Из чего я в самом деле горячусь! А как она нынче хороша-то! Как держит себя! Нет, черт возьми, это ужасно досадно. И какие скоты всё кругом нее! У меня, кажется, нынче разольется желчь. И этот жених, этот жених! И она еще к нему ласкается! Нет, она заметит, какими я глазами буду глядеть на него.

Уходит. Разные лица проходят по сцене к двери направо. Беневоленский и Добротворский входят под руку.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Беневоленский и Добротворский.

Беневоленский. Благодарен тебе, Платон Маркыч, весьма благодарен. Ты меня много, много обязал. Марья Андревна и умна и образованна. Именно такую жену мне и нужно.

Добротворский. Хе, хе, хе, любезнейший! Что уж теперь толковать. Поддели молодца! Какова ни есть, уж теперь нечего назад пятиться!.. Шучу, шучу...

Беневоленский. Да-с, я тебе скажу, с этойкой женой не стыдно показаться в общество. (Останавливается перед зеркалом и гладит подбородок). Что ж, нас будет пара, как ты думаешь?

Добротворский. Ах вы, проказник! (Хохочет.) Ишь ты, какие штучки выдумывает!

Беневоленский. Чему же ты смеешься?

Добротворский. Будет вам проказничать-то, уморили со смеху! Поцелуетесь. (Целуются.)

Беневоленский (в сторону). Чему он смеется? (Добротворскому.) Послушай, Платон Маркыч, у меня есть к тебе серьезное дело.

Добротворский. Что прикажете?

Беневоленский (берет его под руку). Все мы были молоды.

Добротворский кивает головой в знак согласия. Молодость, как ты знаешь, имеет свои слабости. Ты сам это очень хорошо знаешь, иначе я бы тебе и не стал говорить.

Добротворский. Все мы грешны, и все мы смертны...

Беневоленский. Это правда, да не об том речь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любил одну девушку...

Добротворский. Гм! Скажите! Хорошенькая была девушка?

Беневоленский. Очень недурна. Ну, конечно, из низкого сословия, но очень недурна. Только характер у нее совсем не соответствовал наружности: ревнива...

Добротворский. Вам это кажется удивительно. Эх, молодость! Поживите-ка с наше, так не то увидите. Вот я вам сейчас какую историю расскажу, вот послушайте, не вашей чета, а то что вы мне рассказываете! Это еще до француза было...

Беневоленский. Ах, какой ты бестолковый, Платон Маркыч! Я боюсь, что она сюда придет.

Добротворский. Кто?

Беневоленский. Эта девушка-то.

Добротворский. Зачем? Нет, зачем она пойдет, что вы говорите!

Беневоленский. Пойми ты меня, Платон Маркыч: я тебе говорю, что она ревнива, так я боюсь, чтобы она тут шуму какого не наделала.

Добротворский. Вот что! а!.. Теперь я вас понял.

Беневоленский. Так уж ты распорядись, братец, так, чтобы не пускали никого посторонних.

Добротворский. Что ж вы, отец мой, у меня с Марьей-то Андреевной делаете! Вы этак у меня ее уморите, сердечную... А уж вы, батюшка, эти глупости-то оставьте.

Беневоленский. Что ты, что ты! Я давно оставил. Только все-таки осторожность не мешает. Понимаешь ты меня?

Добротворский. Хорошо-с, теперь понимаю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Беневоленский (один). В жизни главное дело -- ум и предусмотрительность. Что такое я был, и что я теперь? Вот она история-то! Бывало, всякому встречному кланяешься, чтоб тебя не прибил как-нибудь, а теперь нас и рукой не достанешь. И капитал есть, и жену красавицу нашел. Чорт возьми! (Пожимает руки, потом дерет себя за хохол.) Ах ты, Максимка Беневоленский! А думал ли ты об этом счастье, сидя в школе в затрапезном халате? Ничего, братец! Вот (стучит себя пальцем по лбу), вот чем пробьем себе дорогу. Нужда ум родит, а ум родит деньгу, а с умом да с деньгами все можно сделать! (Задумывается.) Не поучиться ли мне танцевать? Поучусь. Или не надо? Нет, что! Деловому человеку неловко. А иногда так тебе и хочется плясать.

Немного подпрыгивает; проходят разные лица из залы; он становится в приличную позу и закладывает руку за жилет. Из двери налево выходят первая и вторая женщины -- Паша и Дуня.

Дуня. Ах, Максим Дорофеич, здравствуйте. Наше вам почтение!

Беневоленский отворачивается в сторону.

Что ж, ты меня не узнал, что ли?

Беневоленский. Ах, это ты, Дуня! Зачем же ты...

Дуня. Невесту твою посмотреть.

Беневоленский. Да как же это! Ведь я не велел было...

Дуня. Что это не велел? Ты меня пускать не велел! Ах, бессовестный ты человек! Бесстыжие твои глаза!..

Беневоленский. Нет, я ничего... Я так! Что ж, Дуня, посмотри поди. Там вон невеста, там приданое...

Дуня. То-то, посмотри! Не глядели б мои глаза-то, кажется, на тебя. Вот, Паша, смотреть посылает, видишь, какой добрый! Сам все покажет. Что ж, матушка, ведь не чужой. Ах ты, соколик!

Беневоленский. Ты, Дуня, поосторожней -- увидит кто-нибудь, нехорошо! (Становится в позицию.)

Дуня. А хочешь, сейчас дебош сделаю?

Беневоленский. Дура, дура! Что ты, что ты!

Дуня. Не бойся, не бойся! Что ты испугался? Я не в тебя.

Беневоленский. Нет, Дуня, полно, в самом деле. Коли тебе что нужно, ты лучше ко мне на дом приди.

Дуня. Не пойду я к тебе, не беспокойся.

Беневоленский. А здесь, Дуня, тебе что ж делать? Посмотри невесту и ступай.

Дуня. Уж я видела! Хороша ведь, Паша, уж можно сказать, что хороша. (К Беневоленскому.) Только сумеешь ли ты с такой женой жить? Ты смотри, не загуби чужого веку даром. Грех тебе будет. Остепенись, да живи хорошенько. Это ведь не со мной: жили, жили, да и был таков. (Утирает глаза.)

Паша. А ты говорила, что тебе его не жаль.

Дуня. Ведь я его любила когда-то. Что ж, надо же когда-нибудь расставаться: не век так жить. Еще хорошо, что женится; авось, будет жить порядочно. А все-таки, Паша, ты то возьми, лет пять

жили... ведь жалко. Конечно, немного я от него доброго видела... больше слез... одного сраму что перенесла. Так, ни за что прошла молодость, и помянуть нечем.

Паша. Что делать, Дуня.

Дуня. А ведь бывало, и ему рада-радешенька, как приедет. Смотри ж, живи хорошенько!

Беневоленский. Ну, уж конечно.

Дуня. То-то же. Эта ведь тебе навек, не то что я. Ну, прощай, не поминай лихом, добром нечем. Что это я, как дура, расплакалась, в самом деле! О! махнем рукой, Паша, завьем горе веревочкой!

Беневоленский. Прощай, Дуня!

Дуня. Адье, мусье! Пойдем, Паша.

Уходят.

Беневоленский. Сумасшедшая женщина! Еще хорошо, что так обошлось. Однако я было перетрухнул.

Входит официант. Дай-ка мне, братец, рюмочку хересу. Фу! Как гора с плеч.

Официант подает.

Благодарю, любезный. (Уходит.)

Появляются на сцене разные лица.

Две женщины.

Первая. Вот, говорят: не завидуй! Как тут не завидовать! Одна дочь, и той какого молодца поддели, а у меня вот три, да нейдут с рук. Что ты хочешь, делай! А ведь, чай, малого-то опутали как-нибудь, а то где б ему жениться, ведь за ней ничего нет.

Вторая. Ну, уж, матушка, нашла кому позавидовать!

Первая. А что?

Вторая. Да, говорят, такой сокол, что беда!

Две старухи.

Первая старуха. Сундуки-то кованые, да, должно быть, пустые.

Вторая старуха. Ан нет, полные.

Первая старуха. Где уж полные! У них всего и добра-то кругом пальца обвести.

Вторая старуха. Ты в чужие сундуки-то лазила, что ль?

Первая старуха. Я не лазию; может, кто другой лазит.

Вторая старуха. Тебе только пересуживать, а самое-то с чем отдавали?

Первая старуха. Да уж почище тебя!

Вторая старуха. А кто по чужим дворам дрова ворует?

Первая старуха. Врешь, я не ворую.

Вторая старуха. Ан, ворует.

Первая старуха. Ах, ты...

Скрываются в толпе. Из двери, направо, выходят Анна Петровна, Добротворский и Дарья.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Анна Петровна, Добротворский и Дарья.

Анна Петровна. Ох, захлопоталась я нынче совсем, моченьки моей нет. Отдохнуть присесть. (Садится на диван.)

Добротворский. Что ж, свои ведь, сударыня, хлопоты. Своя ноша не тянет, говорит пословица. Благо все устроили.

Анна Петровна. Уж как я рада-то, Платон Маркыч, вы себе и представить не можете. Пора уж и мне знать покой. Женщина я слабая, сырая, во всем должна была себе отказывать. А я ведь как при покойнике-то жила, вы знаете, всем была избалована.

Добротворский. В холе жили и в неженье, Анна Петровна.

Анна Петровна. И я вам скажу, Платон Маркыч, как я свадьбы всегда любила. Меня хлебом не корми, только где бы нибудь на свадьбе пировать. Вот теперь бог привел дочку выдавать. Уж не

чаяла, как и дожждаться-то такой радости. Во сне сколько раз снилось. То приснится мне, что пляшу я, вот так и пляшу, так и пляшу. Ведь я смолоду-то плясывала. А то вижу я раз, будто пьяна, вот! так-таки совсем пьяна, и побранилась я с вами на чем свет стоит.

Добротворский. К радости, сударыня.

Анна Петровна. Ну да, слава богу, все теперь устроилось.

Добротворский. Слава богу, слава богу.

Анна Петровна. Дай-ка нам, Даша, винца какого-нибудь. Мы с Платоном Маркычем выпьем на радости. Дарья подает на подносе бутылку и рюмки и ставит на стол.

Добротворский (пьет). Честь имею поздравить, Анна Петровна. Дай бог внучат и правнучат дожждаться.

Анна Петровна. Покорно благодарю, Платон Маркыч. Вам, батюшка, мы всем этим обязаны.

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Вы здесь, маменька? Я вас ищу. (Подходит к матери.)

Анна Петровна. Что тебе, душенька, что тебе?

Марья Андреевна. Так, маменька, что-то мне очень скучно стало. (Садится на диван и припадает к матери головой.)

Добротворский (берет бокал). Что делать-то, барышня, надобно привыкать! За ваше здоровье. Будете богаты, тогда и нас не забудьте. Хе, хе, хе! Пожалуйте ручку, барышня. (Целует.)

Анна Петровна (пьет). Ну, дочка, будь счастлива, не поминай лихом мать-старуху. Поживешь, сама узнаешь, что такое дети-то. (Целует.)

Нравится ли он тебе? Признаться сказать, скоренько дело-то сделали; кто его знает, в него не влезешь.

Марья Андреевна (в слезах). Ничего, маменька, Он мне нравится. Вы не глядите, что я плачу; это так, от волнения. Мне кажется, что я буду счастлива...

Голос из толпы. Другой, матушка, нравный, любит, чтоб ему угождали. Домой-то, известное дело, больше пьяные приезжают, так любят, чтоб сама ухаживала, людей к себе не подпускают.

Марья Андреевна. А если и не буду счастлива, так уж не вы виноваты; вы сделали для меня все, что могли, что умели. Благодарю вас, маменька, и вас, Платон Маркыч.

Из другой комнаты слышна музыка: Беневоленский выходит, Марья Андреевна идет к нему навстречу и подает руку.

Добротворский (подает руку Анне Петровне). А мы с вами, сударыня, польскую пройдемся.

Уходят.

Одна из толпы. Эта, что ль, невеста-то?

Старуха. Эта, матушка, эта.

Женщина. Ишь ты, как плачет, бедная.

Старуха. Да, матушка, бедная: за красоту берет.

ВАРИАНТЫ

Варианты подготовлены А. И. Ревякиным ("Свои люди -- сочтемся", "Бедная невеста"), С. Ф. Елеонским ("Не так живи, как хочется").

"БЕДНАЯ НЕВЕСТА" {*}

{* Подготавливая первое Собрание своих сочинений, вышедшее в 1859 году в издании Кушелева-Безбородко, драматург снял в пьесе "Бедная невеста" подзаголовок "Суженого конем не объедешь" и сделал ряд исключений и исправлений как некоторых сцен, так и отдельных слов и выражений. Ввиду важности этих переделок приводим их полностью. Вначале дается текст данного издания (являющийся переработанной в 1859 году А. Н. Островским второй редакцией пьесы) с указанием страниц и строк, а затем, после знака //, идет текст первой редакции, опубликованный в журнале "Москвитянин" (1852, No 4).}

Стр. 135, строка 4. ...живи, как хочешь. // ...живи, как знаешь.

Стр. 135, строка 17. ...уж и говорить-то нельзя // ...уж и поговорить-то нельзя.

Стр. 135, строка 23. Марья Андреевна. Какой же каприз, маменька! Кто за меня сватался... //Марья Андреевна. Вы знаете, маменька, что у меня капризов нет, а просто не нравится никто, да и все тут. Да что же тут мудреного, кто за меня сватался...

Стр. 137, строка 17. ...весьма много больше обыкновенного... // ...весьма много более обыкновенного...

Стр. 137, строка 33. И ни слова об этом не скажете... // И ни слова мне об этом не скажете...

Стр. 138, строка 35. Так зачем же быть красавицей-то? // Так зачем же быть красавицей-то, лучше быть хозяйкой хорошей.

Стр. 139, строка //. Марья Андреевна. Маменьке легко говорить... // Марья Андреевна. Муж будет любить! Да я-то буду ли любить мужа! Вот в чем дело. Маменьке легко говорить...

Стр. 139, строка 18. ...я вашу дочь за красоту возьму. (Смотрит в окно задумавшись.) // ...Я вашу дочь за красоту возьму; другой прикинется влюбленным, лезет с нежностями, это еще хуже. Боже мой, сколько оскорбительного видела я в последнее время! (Смотрит в окно задумавшись.)

Стр. 140, строка 34. ...а она все ворчит... // ...а она все ворчит, все ворчит...

Стр. 141, строка 29. ...по передним-то шлямшись. // ...по передним-то шляясь.

Стр. 143, строка 23. ...закричит страшным голосом. // ...закричит странным голосом.

Стр. 143, строка 31. ...зайди на-днях... // ...зайди как-нибудь на-днях.

Стр. 144, строка 6. А у меня дочь невеста. // А у меня дочь невеста. Как без мужчины в доме -- никак нельзя.

Стр. 144, строка 28. ...но я завсегда предпочитаю с вами об деле разговаривать. // ...но я завсегда предпочитаю с вами об этом деле разговаривать.

Стр. 146, строка 22. ...а тут какой-нибудь... // ...а тут какой-нибудь выскочка...

Стр. 146, строка 29. ...есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; но вы теряете друга... // ...есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; прощайте; но вы теряете друга...

Стр. 147, строка 17. ...я вас боюсь. // ...я вас боюсь. Вы в самом деле способны возбудить в человеке серьезную страсть.

Стр. 148, строка 11. ...не бываю в обществе; // ...не бываю в высшем обществе;

Стр. 148, строки 19-20. ...я бы мог во сто раз быть лучше его... и до слов: Что он вам мешает? // ...я бы мог во сто раз быть лучше его. Да и с чего он взял смеяться надо мной! Как он смеет! Нет, я это так не оставлю.

Марья Андреевна. Чего же вам хочется, я все не понимаю.

Милашин. Да это очень трудно понять! Человека унижают, не считают ни за что. Для них главное дело наружность! Вот что обидно, Марья Андреевна! Вы не думайте, чтоб я завидовал таким людям, как Мерич. Я слишком горд, чтоб им завидовать. Много будет чести для них. Хороши люди, которые восхищаются такими господами.

Марья Андреевна. Я с вами согласна. Значит, и говорить не об чем.

Милашин. Конечно, Марья Андреевна, но вы... не принимайте Мерича ради бога, я вас умоляю.

Марья Андреевна. Что он вам мешает?

Стр. 148, строка 33. ...насильно мил не будешь. Осчастливьте того, кто достойнее меня! // ...насильно мил не будешь. Но я имею довольно твердости, чтобы перенести это, и довольно гордости, чтобы не унижаться и не вымаливать вашу любовь.

Марья Андреевна. И слава богу.

Милашин. Осчастливьте того, кто достойнее меня?

Стр. 148, строка 33. Осчастливьте того, кто достойнее меня!

Дарья входит с самоваром //

Милашин. Осчастливьте того, кто достойнее меня! Есть много очень хороших молодых людей, которые умеют одеваться к лицу, говорить комплименты. (Принужденно смеется.)

Марья Андреевна. Это скучно, наконец!

Милашин. Вам скучно? Да! А каково мне!

Марья Андреевна. Да мне-то что ж за дело; все-таки вы должны быть учтивы, по крайней мере. (Отворачивается; молчание.)

Милашин. Марья Андреева! Вы на меня сердитесь?

Марья Андреевна. Да как же на вас не сердиться, когда вы глупости говорите.

Милашин. Ну, простите меня, ради бога, простите -- дайте ручку. (Берет ее руку и целует; молчание.) Марья Андреевна, у нас один чиновник получил наследство -- тысяч двести. Вот дураку счастье... ужасно досадно.

Марья Андреевна. Отчего же вам досадно?

Милашин. Да как же не досадно, теперь будет нос подымать, нас и знать не захочет. А как, я думаю, подличал, унижался перед дядей-то, чтобы тот ему что-нибудь оставил.

Марья Андреевна. А может быть, и не подличал.

Милашин. Как, чай, не подличать. Я говорил ему давеча: "Я думаю, вам теперь низко будет служить с нами".

Марья Андреевна. Зачем же вы говорили это?

Милашин. Да как же, ведь досадно до смерти. Еще, дурак, приглашает обедать; пускай другие идут, а я уж слуга покорный. Очень приятно смотреть, как он будет важничать, что у него денег много.

Дарья входит с самоваром.

Стр. 149, строка 37. Ох, да никак я вам сахару-то забыла. // Ох, да никак я вам сахару-то положить забыла.

Стр. 151, строка 21. Мы, сударыня, с ним к вам приедем. // Мы, сударыня, с ним к вам завтра приедем.

Стр. 151, строка 25. Так только маешься. // Так, только маешься. Как это без мужчины!

Стр. 152, строки 1-2. Я готов пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы.

Марья Андреевна, Это что такое! // Я готов пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы.

Марья Андреевна. На что мне ваша жизнь! Мне только тошно, что ко мне пристают с женихами.

Милашин. Конечно, Марья Андреевна, для меня бы легче было видеть вас в несчастном супружестве, чем видеть вас счастливой с другим; но я не эгоист.

Марья Андреевна. Ах, боже мой, да зачем мне все это знать! Вы опять за свое.

Милашин. Прощайте, Марья Андреевна; быть может, мы больше не увидимся.

Марья Андреевна. Это что такое!

Стр. 152, строка 31. ...ни капли самолюбия... и до слов: Для нее я бы стал работать... // ...ни капли самолюбия! Я уж начинаю успокаиваться в бездействии (встает). Нет, надобно кончить.

Надобно сказать ей, что я ее люблю! Неужели она не сжалится надо мной? Я слабый жалкий человек; она увидит, что для меня в ней одной только спасение. Для нее я бы стал работать...

Стр. 153, строки 30-31. ...а тогда что? // ...а тогда что! Я не перенесу.

Стр. 154, строка 11. Маменька?

Хорькова. Посмотрите, как страдает... // Маменька!

Марья Андреевна. Вы влюблены? Я считала вас холодным человеком.

Хорьков. Я холодный человек?

Марья Андреевна. Так неужели вы можете полюбить кого-нибудь? Полноте. (Смеется.)

Хорькова. Посмотрите, как страдает...

Стр. 156, строка 5. Это ужасно досадно! // Это ужасно досадно.

Приедет -- станет важничать, ломаться.

Стр. 157, строка 33. ...что мы из ревности хлопочем. Эх, не хочется мне... // ...что мы из ревности хлопочем. Надобно ей показать Мерича с смешной стороны, тогда он ей будет не опасен. Эх, не хочется мне...

Стр. 158, строка 12. Он человек совершенно без правил. // Он человек совершенно без правил, бессовестный, и проповедует девушкам безнравственные начала.

Стр. 161, строка 21. ...любит ли он меня... а я его очень люблю.// Любит ли он меня... а я его люблю, очень люблю.

Стр. 175, строка 10. Марья Андреевна. Приехал этот Беневоленский. // Марья Андреевна. Не успела еще я опомниться от

твоего поцелуя (Закрывает глаза руками, Мерич ее целует.)...
приехал этот Беневоленский.

Стр. 175, строка 22. ...чтоб ты пошла за Беневоленского. // ...чтоб
ты, из угождения маменьке, пошла за Беневоленского.

Стр. 177, строка 16. Ты, кажется, опять близко ко мне. // Ты,
кажется, опять уж очень близко ко мне.

Стр. 189, строка 30. ...я, кажется, сойду с ума. Как незаметно
подкралось ко мне это горе. // ...я, кажется, сойду с ума. Я не могу
больше переносить моего положения. Как незаметно подкралось ко
мне это горе.

Стр. 190, строка 2. Марья Андреевна... Теперь ее спокойствие
зависит от меня. Неужели у меня хватит сил противиться ей. Дарья
входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

// Марья Андреевна... Теперь, когда спокойствие ее старости
зависит от меня, неужели я найду в себе силы противиться ей.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марья Андреевна и Дарья (входит)

Стр. 190, строка 10. Погадай-ка мне, Даша, на картах. // Погадай-ка
мне, Даша, я уж теперь начала картам верить.

Стр. 192, строка 23. Ах, кабы она поскорей воротилась. Кто-то
идет... // Ах, кабы она поскорей воротилась. Эти минуты ожидания
покажутся мне вечностью... Кто-то идет...

Стр. 192, строка 33. ...разве можно знать, где подобные люди
бывают! (Марья Андреевна отворачивается и плачет.) Вы думаете,
что я это говорю из ревности... // ...разве можно знать, где подобные
люди бывают!

Марья Андреевна. Так вы и говорите, что не знаете
(отворачивается).

Милашин. Вы меня обманули, Марья Андреевна, бог с вами. Вы меня выгнали для того, чтоб остаться с Меричем наедине. Вы из меня дурака сделали. Нет, я так играть с собой не позволю.

(Молчание.) Я дивлюсь, как это ваша маменька не перестанет принимать Мерица. С такими людьми нечего церемониться. Я б на ее месте его близко к дому не пустил,

Марья Андреевна. Продолжайте, продолжайте!

Милашин. Вы думаете, я это говорю из ревности...

Стр. 193, строка 36. Что я, подлец, что ли, по-вашему? Вот чего я дождался от вас за мою привязанность! // Что я, подлец, что ли, по-вашему? Вы меня не только не любите, но еще считаете каким-то низким человеком. Вот чего я дождался от вас за мою привязанность.

Стр. 198, строка 22. ...(стоит, сложа руки на груди). Ты на меня не сердишься?

Марья Андреевна. Не сержусь. // ...(стоит, сложа руки на груди).

Прости меня, Мери, что я нарушил мир невинной души твоей.

Марья Андреевна. Я прощаю. Бог с тобой.

Мериц. И не сердишься?

Марья Андреевна. И не сержусь.

Стр. 200, строка 15. Марья Андреевна. Ах, Иван Иванович, не хотелось бы мне вас обидеть... // Марья Андреевна. Только этого не доставало! (После молчания.) Ах, Иван Иванович, не хотелось бы мне вас обидеть...

Стр. 206, строка 7. Перестаньте, Иван Иванович! // Перестаньте, Иван Иванович! Что вы говорите!

Стр. 207, строка 19. Барышня прислала спросить. // Барышни прислали спросить.

Стр. 210, строка 13. Без этой мысли, Платон Маркыч, мне было бы очень тяжело. Только этим я теперь и живу. Поддерживайте меня, Платон Маркыч. // Без этой мысли, Платон Маркыч, я не перенесла бы своего положения. Только этим я теперь и живу. Что, если мечты мои не осуществляются. Это ужасно!

Стр. 211, строка 4. А прежде?

Мериц входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

// А прежде? Да, прежде сердце билось у меня, очень билось.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна и Мерич (входит.)

Стр. 212, строка 23. ...во мне есть силы. Я заставлю его любить меня... // ...во мне есть силы. Страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мне нужна, для нее будет благородное употребление. Я заставлю его любить меня...

Стр. 218, строка 3. Да, говорят, такой сокол, что беда!

Две старухи // Вторая. Да, говорят, такой сокол, что беда!

Семь барышень.

Первая. Что ж это сказали, что танцы будут, а танцев совсем и нет.

Вторая. Как тебе невеста понравилась?

Первая. Ничего нет особенного.

Вторая. А мне так вовсе не понравилась.

Третья. Сентиментальна очень.

Четвертая. Должно быть, собой очень занята.

Пятая. Такой невинностью прикидывается, а сама, думаю, радехонька... Да ведь уж и года.

Шестая. Ты бы уж лучше не говорила о годах-то. Небось мы с тобой моложе.

Седьмая. Пойдемте домой.

Уходят.

Музыканты проходят по сцене, барышни возвращаются и стоят около двери.

Две старухи.

Стр. 220, строка 2. ...это так, от волнения... и до слов: из другой комнаты слышна музыка. // ...это так, от волнения.
(Прислушивается.) Погодите; послушаемте, что говорят.

Две свахи в стороне.

Панкратьевна. Ты говоришь, Карповна, что богатый человек.

Карповна. Богатый-то богатый, так с богатым-то надо жить умеючи. Другой нравный, любит, чтобы ему угождали. Иногда и пьяный приедет; другой любит, чтоб жена за ним ухаживала, никого из людей не подпускает. А где ей это знать.

Панкратьевна. Где знать! Ты вот возьми, ведь он чиновник. Ну, а чиновник уже все не так пышно живет. А жены-то все, то платье из магазина, то шляпка из магазина; а нет, чтобы хозяйничать да мужу помогать. Все норовят на мужа взвалить. Ну одному-то и тяжело. Где ж ей-то знать, какая она хозяйка!

Карповна. Где знать!

Марья Андреевна. Нет, они ошибаются, я это знала и знаю, я только не надолго позабыла, что я бедная невеста. Право, мне кажется, что я буду счастлива, а если нет... если нет, так уж это я буду виновата, а не вы. Никто не посмеет упрекнуть вас. Чем же вы виноваты. Вы все для меня сделали, что могли. Теперь уж я сама попробую что-нибудь для себя сделать. (Целует мать.) Я не знаю, как он меня, а я его уж теперь люблю.

Из другой комнаты слышна музыка.